

Людмила
МАРТОВА

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

БИЗНЕС-ПЛАН СЧАСТЬЯ

*Твоя слабость пугает
родных и друзей, но
радует врагов.
В любой ситуации
будь сильной!*

Желание женщины

Людмила Мартова

Бизнес-план счастья

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мартова Л.

Бизнес-план счастья / Л. Мартова — «Эксмо», 2019 — (Желание женщины)

ISBN 978-5-04-101885-6

Неведомый недоброжелатель взялся планомерно разрушать жизнь крупного бизнесмена Павла Молчанского. Обнародованные фотографии Павла с любовницей привели к тому, что от него ушла жена. Письма детям о том, что они неродные, разрушили его отношения с дочерью и сыном. Проблемы в бизнесе, кража ценных фигурок нэцкэ из любимой коллекции, взрыв в машине — все это стало началом череды преступлений, в которых подозревают самого Павла... А поддерживает его лишь один человек — преданная помощница Вера Ярышева искренне считает, что их с шефом связывают чисто деловые отношения...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101885-6

© Мартова Л., 2019
© Эксмо, 2019

Людмила Мартова

Бизнес-план счастья

Ставки сделаны. Ставок больше нет.

Колесо судьбы запущено, и по большому счету совершенно не важно, в какую именно лунку попадет бегающий по кругу шарик.

Красное-черное, чет-нечет или даже зеро. На кон поставлена жизнь. Вся, без остатка. И каким бы ни был результат, сделанная ставка выиграет, а чужая проиграет.

Проигравший не должен обижаться. Игра есть игра. Когда-то давно он сделал свой ход. Неправильный. Фатальный. И то, что произойдет сейчас, – всего лишь расплата за ту давнюю ошибку.

Мельницы богов мелют медленно, но верно, а значит, наказание неотвратимо. Проигравший потеряет все. Игра началась.

* * *

Стрелки на часах подбирались к полудню, но ворох бумаг на столе не становился меньше, хотя Вера старательно пыталась их разгрести с полвосьмого утра. Она специально пришла на полчаса раньше начала рабочего дня, поскольку знала, что за время ее отпуска дел накопился вагон и маленькая тележка. В ее отсутствие никто даже не пытался их разбирать, а если даже и пытался, все равно нужно переделывать, потому что ни у кого и никогда не получалось сделать так, чтобы начальник остался доволен. Только у Веры, да и то не всегда. Далеко не всегда.

Подумав про начальника, Вера привычно вздохнула. Нет, не оттого, что он был тиран или самодур, хотя не без этого, чего скрывать. Начальнику положено вести себя как тиран и самодур, и Верин был еще не из худших. И влюблена она в него не была вопреки всем канонам жанра. Ей казалось невероятной пошлостью влюбиться в начальника, а Вера мнила себя девушкой стильной, этакой тонкой штучкой, начисто лишенной даже намека на пошлость. Да и не нравился ей начальник, если честно. Ни капельки. В смысле – как мужчина не нравился, а как начальник – очень даже.

Вздых ее напрямую был связан исключительно с количеством работы, которую начальник на нее нагрузил. Этот воз она тащила покорно и безропотно, и с каждым днем он становился все больше и все тяжелее, потому что, казалось, ничего в их фирме не вертелось, не складывалось и не работало без Веры Ярышевой, личного помощника директора.

Она тихонько вздыхала, но никогда не роптала. Во-первых, потому что ее усилия, честно скажем, оплачивались очень неплохо, а по меркам их провинциального, далеко не столичного города – и вовсе отлично. А во-вторых, сам начальник, положив руку на сердце, работал еще больше, и Вера, составляющая графики его встреч, командировок, конференций, благотворительных мероприятий, тренингов, планерок и деловых обедов, не очень понимала, когда он, собственно говоря, спит.

Вопрос «с кем» как раз не вставал, потому что начальник был давно и прочно женат, как и положено, чуть ли еще не со школьной скамьи. И, кроме того, тоже, как и положено, имел любовницу – молодую, с ногами от ушей, в которых блестели подаренные им бриллиантовые капли, высокой грудью, накачанной попкой и не расплескавшейся глупостью в ярко-синих, как у куклы, глазах. При виде любовницы Вера всегда чуть морщилась, именно потому, что не выносила пошлости, а девица была, если можно так выразиться, стопроцентной ее квинт-эссенцией.

Как-то Вера даже не выдержала и пробормотала это вслух, и начальник тогда услышал и страшно веселился, и подтрунивал потом над Верой и ее снобизмом – долго, чуть ли не пол-

года. И девица тоже слышала, но, к счастью, не обиделась, потому что не поняла, и надменно объяснила Вере, что пользуется не эссенцией, а самым настоящим парфюмом. Начальник в этом месте взоржал особенно громко и посмотрел с жалостью во взоре, вот только Вера не поняла, кому предназначался этот полный снисхождения взгляд – ей или все-таки любовнице.

Во всем остальном начальник обладал неплохим вкусом. Костюмы носил дорогие, обувь стильную, напитки пил в соответствии со статусом, машины покупал из соображений не пафоса, а надежности, курорты выбирал не по престижности, а по уровню комфорта, а друзей – не по толщине кошелька, а по интересам. Многие из них, как и жена, были рядом с ним со школьных лет, а никакое другое качество Вера не ценила в людях больше, чем верность.

В общем, выбор любовницы был единственным отклонением от того, что называется вкусом, но в такие тонкие материи Вера предпочитала не вторгаться. В конце концов, ее начальные пристрастия не касались. К взаимному удовлетворению сторон, так сказать.

Она снова посмотрела на часы и удивленно нахмурилась. Теперь они уже показывали полдень, но начальник так и не изволил прийти на работу, что было ему совершенно не свойственно. В те дни, когда он бывал в городе, а не мотался по филиалам их фирмы, работавшим в Питере, Москве, Екатеринбурге и Новосибирске, он всегда появлялся в офисе ровно в девять.

Вера снова сверилась с календарем, который составила еще до отпуска, и недоуменно пожала плечами. Павел Александрович Молчанский должен был сейчас находиться здесь, в своем кабинете, отделенном от приемной, где обитала Вера, тонкой перегородкой без двери. Работая, он привык орать ей, если ему было что-то надо. Не звонить по телефону, не писать сообщения, а именно орать, и тишина, вызванная его непривычным отсутствием, не пугала, конечно, но слегка нервировала. В ней было что-то неправильное, а неправильностей в работе и в окружающем пространстве Вера не любила.

Позвонить или не звонить? Вообще-то Вера не злоупотребляла своими служебными полномочиями и никогда не звонила Молчанскому просто так, без дела. Интересно, его неожиданное отсутствие на работе – это дело или нет? А может, он вообще в отпуск уехал? Сорвался с места посередине осенней хмари, размывающей границу между осенью и зимой, чтобы вдохнуть жаркий воздух, поднимающийся от раскаленного песка где-нибудь в Занзибаре, нырнуть в теплые океанские волны и забыть обо всех заботах и проблемах.

Впрочем, никаких забот и проблем у начальника не было. Жизнь его шла по давно устоявшемуся расписанию. С надежными партнерами он дружил, конкурентов давно сожрал, налоговой не боялся, с властью не заигрывал. Предприятие Павла Молчанского – крупная IT-фирма, разрабатывающая и поставляющая программное обеспечение и владеющая солидным куском российского рынка, – работала исключительно легально, платила «белую» зарплату и никогда не нарушала закон. Начальник был уверен, что никакая прибыль не заменит сна по ночам, и был готов инвестировать деньги в самое ценное, что у него было, – собственное спокойствие.

В истинности выражения «с государством нельзя играть в азартные игры, у него все карты крапленые» он был уверен, а потому ни в какие игры никогда не играл. Ни налоговые, ни тем более политические. Да ну их на фиг, себе дороже. И именно поэтому жил безбедно.

Но куда он все-таки девался?

Через приемную прошла, деловито шурша бумагами, главный бухгалтер и финансовый директор фирмы Ирина Геннадьевна Соловьева. Или это не бумаги шуршали, а длинная юбка из тафты, создающая иллюзию, что главбух пинает ногами разлетающиеся осенние листья.

– Ирина Геннадьевна, вы не в курсе, Павел Александрович куда-то уехал? – спросила Вера, чувствуя себя глупо. Вообще-то это ей нужно было знать обо всех передвижениях Молчанского, даже о внезапных. Что-то она в этом отпуске совсем потеряла связь с реальностью...

Про отпуск вообще-то лучше было не вспоминать, потому что был он во всех смыслах неудавшимся. Поездка, предназначенная для того, чтобы наладить пошатнувшиеся отноше-

ния с «последней надеждой», окончательно эти отношения разрушила, а надежды похоронила. Там, на греческом морском берегу, вдалеке от повседневных будней, стало совершенно очевидно то, что было ясно с самого начала – у романа с женатым мужчиной нет и не может быть будущего.

Прекрасный секс под плеск волн был, красивые ужины с видом на садящееся за море солнце были, плавание под белым парусом, огромные креветки на гриле, кулончик из вулканической лавы, прохладный даже на солнце, крепкие мужские объятия ночью были, а будущего не было. И счастья с безмятежностью тоже. Их, как рисунок на песке, смывал прибой постоянного вранья. Вера слушала, как ее любимый врёт жене и детям, как меняется его голос, когда он разговаривает с ними по телефону, даже не пытаясь проявить деликатность и выйти в другую комнату, и чувствовала себя врушкой и вертихвосткой. И еще воровкой.

Как-то именно в этом отпуске к ней вдруг пришло четкое понимание, что этот мужчина никогда не разведется. Не бросит жену и детей, не посвятит остаток жизни ей, Вере, и еще ее сыну, который растет без отца и почти без постоянно работающей матери. Не будет решать ее проблемы, не снимет с нее груз постоянного принятия решений. Она была только для постели, а вовсе не для совместной жизни, то есть проходила по шкале женской ценности примерно по тому же разряду, что и ногастая, грудастая и губастая любовница Павла Молчанского. Ну поумнее чуток, ну постильнее, так ведь на вкус и цвет...

В этой мысли было что-то настолько унижительное, что сразу по возвращении, а точнее, в зале аэропорта, где они разошлись, чтобы добираться до дома разными путями-дорогами, стараясь не попасться на глаза возможным знакомым, Вера сказала любовнику, что им нужно расстаться. Если он и расстроился, то виду не показал. Лишь пожал плечами, подхватил чемодан и исчез. Из Вериной видимости, постели и жизни. Да и бог с ним.

Ирина Геннадьевна смотрела вопросительно, и Вера вдруг поняла, что, погруженная в свои мысли, выпала из беседы.

– Извините, я задумалась, так где, вы говорите, Павел Александрович?

– Да в запое он! – в сердцах повторила бухгалтерша, и Вера изумилась настолько, что даже переступила ногами, как норовистая лошадь.

– Где-е-е-е-е??????

Ее начальник, бок о бок с которым она проработала последние пять лет, никогда не пил. То есть пил, конечно, но не пьянел безбожно, не напивался до положения риз и уж совершенно точно – не уходил в запой. Этого просто не могло быть, потому что не могло быть никогда.

– Ой, Верочка, так ты же ничего не знаешь! – Бухгалтерша понизила голос до интимного шепота, заговорила жарко, взяв Веру за локоток, отчего той сразу захотелось вырвать руку и отодвинуться. – От Павла Александровича-то жена ведь ушла. Вот он и позволил себе, м-м-м, расклеиться. С четверга на работе нет. Игорь, водитель, документы возил на подпись, срочно нужно было, говорит, никогда шефа таким не видел. Сидит в расстегнутой рубашке и виски глушит, стакан за стаканом, стакан за стака...

– Это же чушь какая-то! – воскликнула Вера и все-таки вырвала руку. – Не может он пить. И Светлана от него уйти не может. Они двадцать восемь лет вместе прожили. С чего ей вдруг уходить-то?

– Так любая бы ушла, – печально и чуть торжественно сказала Ирина Геннадьевна. – Ей фотографии по почте послали. А на них Молчанский со своей кралей в разных видах и позах. Такое непотребство с ней выполнял, что тьфу, смотреть стыдно. Ну жена, как увидела, так вещи собрала и из квартиры съехала. Благо недвижимости у них достаточно. По гостиницам ютиться не нужно.

– А дочь? А сын? – Вера спрашивала механически, потому что никак не могла осмыслить сказанное.

– Дочь с ним теперь знаться не хочет, трубку не берет, когда он ей названивает. А про сына ничего не скажу, не интересовалась. Хотя, если хочешь знать мое мнение, сына он проворонил.

– Бред какой-то, дичь дичайшая, – почему-то шепотом сказала Вера. – А вы откуда знаете, что на тех фотографиях было? Неужели вам Павел Александрович показал? Или Светлана?

Главбух с жалостью смотрела на нее, как на убогую.

– Да зачем же мне нужно, чтобы они что-то показывали? – воскликнула она. – Если фотографии эти на все почтовые адреса компании в одночасье пришли! В среду это было, утром. Разом все компьютеры накрыло. Молчанский-то аккурат на работу приехал. В кабинете засел, почту открыл – новое сообщение и «звякнуло». Вам письмо, типа. Ну, он первый и увидел. Там в копии-то адреса всех сотрудников «М-софта» значились, а основным адресатом жена Молчанского стояла. В общем, он тут же дал команду сисадминам служебные ящики вычистить. Красный был, насупленный. Оно и понятно, такой срам всем на потребу выложили. Службу безопасности науськал, чтобы вычислили отправителя, а сам домой поехал. Да только поздно. Не простила его Светлана. Да оно и правильно.

– А безопасники что? – спросила Вера. – Вычислили, кто письмо послал?

– Так как же это вычислишь, если оно с «левого» ящика послано? Кто создал? Когда? Разве ж установишь?

– Ну при желании установить все можно, – нетерпеливо возразила Вера. – Уж IP-адрес, с которого письмо послано, точно.

– Так наш это IP-адрес. – Ирина Геннадьевна пожала плечами. – Письмо послано с одного из компов «М-софта». Ну и что это дает?

Вера внезапно почувствовала, что от обилия информации у нее кружится голова. В ее картине мира никто из сотрудников компании не мог настолько ненавидеть Молчанского, чтобы отправить подобное письмо его жене. Что-то не сходилось, или картина мира сдвинулась окончательно и безвозвратно. Терять тот уютный и доброжелательный мир, в котором она работала, было горько, но предаваться горю было совершенно некогда.

Молчанский, находящийся в запое, грозил обрушить мироздание навсегда и похоронить под его обломками не только Веру, но и весь коллектив, а значит, мир и Молчанского вместе с ним нужно было срочно спасать. Выхватив из шкафа куртку и накинув на плечо тоненький ремешок дамской сумочки, Вера выскочила из приемной и стремительно скатилась вниз по лестнице.

* * *

Дверь никто не открывал. Вера с остервенением жала и жала на кнопку звонка, но за тяжелой, очень дорогой металлической дверью (заказывала ее сама Вера и за установкой следила тоже) никто не подавал признаков жизни. Немного поколебавшись, она вытащила из сумочки связку ключей и решительно вставила один из них в замочную скважину. Да, ключи от квартиры начальника у нее были, именно потому, что Вера ведала всеми ремонтами в этой квартире, ездила за забытыми документами, а также срывалась по тревоге, если в отсутствие в городе или стране хозяев там срабатывала сигнализация.

Домработниц и шоферов нанимала тоже Вера, а потому при увольнении именно ей они сдавали комплекты ключей от квартиры, машины и дачи. Она отпирала эту дверь своим ключом десятки раз, но впервые так отчаянно трусила, потому что никогда раньше не делала это, если знала, что дома есть кто-то из Молчанских. В голове мелькнула трусливая надежда, что она обнаружит квартиру пустой. Ну не может быть Молчанский в запое! Не может, и точка.

Его наверняка нет дома, он ездит по делам, пытается наладить отношения с женой, и она, Вера, сейчас убедится, что не случилось ничего страшного, тихо запрет квартиру и вернется на работу. Ах да, еще позвонит шефу, и он вместе с ней посмеется над ее дурацкими страхами. То, что она боится, смертельно боится, до одури, до полубоморока, до влажных ладоней и бешено скачущего пульса, Вера поняла только сейчас. Вот ведь странность, никогда она не была истеричной барышней!

Она последний раз повернула ключ в замке, глубоко вздохнула, как перед прыжком в воду, вытерла ладони о куртку и переступила через порог. В квартире было тихо, лишь мерно капала где-то вода из неплотно закрытого крана. Вера машинально подумала, что нужно вызвать сантехника, чтобы устранить неполадку. Звук шел не из кухни, которая находилась справа от входа, в конце довольно длинного и широкого коридора, с пола до потолка застроенного зеркальными шкафами, в которых, казалось, помещалась вся жизнь, а из ванной, которой заканчивался точно такой же, только уходящий влево бесконечный коридор.

Вера скинула ботинки, чтобы не наследить, и прошла в гостиную, совершенно пустую.

– Павел, вы дома? – позвала она оттуда. Молчание было ей ответом.

Вера сходила в кухню, безукоризненно прибранную. Лишь на столе стояла грязная тарелка с надкусанным гамбургером и пустой стакан с остатками коричневой жидкости. Вера взяла его и понюхала. Пахло колой. Не виски. Ступая на носочках и зачем-то затаив дыхание, Вера дошла до хозяйской спальни. На аккуратно заправленной кровати никого не было. В комнате дочки – восемнадцатилетней Глаши Молчанской – тоже.

В соседней комнате, принадлежащей пятнадцатилетнему Костику, царил приличествующий подростку бардак, валялась снятая и вывернутая наизнанку одежда и тоже стояли пустые стаканы из-под колы. Неосмотренным оставался лишь хозяйский кабинет, дверь в который была отчего-то закрыта. Никогда, никогда Павел Молчанский не признавал закрытых дверей! Вера снова вздохнула и потянула за ручку.

Кабинет, тоже пустой, отдавал той же стерильностью, что и остальная квартира. За исключением комнаты Костики, разумеется. Ни одной бумажки не лежало не на своем месте, ни одна книжка не была сдвинута. Нет, последняя домработница, подобранная Верой, хорошо знала свое дело, но складывалось впечатление, что после проведенной здесь уборки в квартиру никто из хозяев не возвращался. Хорошо это было или плохо, Вера не знала.

Понятно было только одно: в этой квартире ей совершенно нечего делать, и поиск начальника нужно вести в совершенно другом месте. К примеру, на даче. Ехать на дачу отчаянно не хотелось. Далеко, мокро, да и результат непредсказуемый. А если Молчанского нет и там? А если есть, но он просто пошлет своего помощника Веру Ярышеву на три буквы? Делать это он умел виртуозно, правда, его изоцренный мат никогда раньше не предназначался персонально Вере.

Или позвонить водителю? Соловьева же сказала, что тот возил бумаги на подпись и обнаружил начальника в непотребном виде. Признаться в том, что она потеряла шефа и не может его найти? Нет, это не выход.

Что ж, проблемы она будет решать по мере их поступления. Сейчас запрет квартиру, спустится в машину и для начала просто наберет номер начальника. Даже непонятно, почему она до сих пор этого не сделала. Наклонившись над ботинками, чтобы обуться, Вера снова услышала доносящееся из ванной мерное капанье. Странно, почему утром домработница не завернула кран или, обнаружив поломку, не вызвала ремонтников. Нет, надо посмотреть, что там, иначе, чего доброго, Молчанские еще зальют соседей. Разбираться с этим все равно придется ей, так что уж лучше предотвратить неприятность, чем потом бороться с ее последствиями.

Так и не обувшись, Вера двинулась по коридору в сторону ванной комнаты. Там горел свет, пробиваясь через матовое, очень дорогое стекло, вставленное в филенку сделанной в Италии на заказ двери. При виде светящегося в полумраке стекла страх вернулся. Вера почув-

ствовала, что волоски у нее на руках встали дыбом, словно предчувствуя неминуемую катастрофу. Она подошла поближе и, не давая себе шанса на отступление, рванула дверь.

Крови было немного. Узенькая дорожка вела от ванны к порогу, струилась по белым плиткам пола, тоже привезенным из Италии. Капли, крупные, редкие, мерно падали на пол из свесившейся через край ванны руки. Тонкой мальчишеской руки с перерезанным запястьем и страшными синяками на локтевом сгибе.

Вторая рука, это Вера увидела как в замедленной съемке, была под водой, и если на первом запястье кровь на воздухе уже начинала сворачиваться, из-за чего капли падали все реже, то из второго она струилась в уже полную розовой, но, к счастью, еще не красной воды ванну. Костик, а это был он, лежал, запрокинув голову, и с первого взгляда невозможно было понять, в сознании он или нет. Вера отмерла и бросилась к нему.

– Костя, Костя! – Она обернулась в поисках чего-нибудь подходящего, схватила с батареи полотенце, с откуда-то взявшейся силой разорвала его на две части и бросилась перевязывать руки, а затем потащила мокрое, скользкое, неожиданно тяжелое тело из воды.

Голова подростка болталась, как будто воздушный шарик на ниточке, и Вере вдруг стало страшно, что она оторвется. Голова оторвется, Костик умрет, а она, Вера, не успеет его спасти и будет виновата в том, что жизнь семьи Молчанских бесповоротно разрушена. Она утратила усилия и все-таки выволокла Костика из ванны, уложила на плиточном полу, забила по щекам, пытаясь привести в сознание. Парень не открывал глаз, но хоть мычал, слава тебе господи.

Надо вызывать «Скорую». Господи, да как же она до сих пор до этого не додумалась! Вера выхватила из кармана телефон, затыкала в кнопки, запыхавшимся голосом сообщила о случившемся, назвала адрес и представилась. Теперь оставалось только ждать. Она уселась рядом с Костином, пристроила его мокрую взлохмаченную голову себе на колени, начала бормотать что-то успокаивающее, гладила мальчика по голове, не замечая, что плачет.

«Скорая» приехала быстро. Пожилой врач, хмурый и насупленный, как погода за окном, бросил короткий взгляд на руки Костика, выругался сквозь зубы.

– Что же вы, мамаша, за ребенком-то своим не смотрите? – спросил с осуждением. – Как допустили, чтобы он у вас сначала колоться начал, а потом еще и вены резать надумал? Куда раньше смотрели?

– Колоться? – Вера смотрела непонимающе. Потом перевела взгляд на синяки в сгибах обеих рук. Истина, накрывшая ее, была проста и незамысловата, а синяки – ничем иным, как следами от уколов.

– Ну да. Парень у вас плотненько так на наркоте сидит. Судя по количеству уколов и состоянию кожных покровов, героин это, не дезоморфин. Ну, оно и понятно, вы, как я вижу, не бедствуете. – Он обвел взглядом стильную, очень дорогую ванную комнату, где душевая кабина стояла как пять его месячных зарплат, не меньше.

– Я не мать, – сквозь зубы ответила Вера. – Я вообще не родственница. Я тут случайно оказалась.

– Ваше «случайно» этому ценку жизнь спасло. – Доктор коротко распорядился нести носилки. – Еще хорошо, что одна рука снаружи осталась, но все равно еще полчаса-час, и могло быть поздно. Вы сами-то кто? Родителям его позвонить можете?

– Могу, – кивнула Вера, решив не вдаваться в детали. – Вы в больницу его заберете?

– Заберем. Полис его можете найти, паспорт, одежду какую-нибудь?

– Да, сейчас. – Вера вскочила на ноги, готовая бежать за документами. Она знала, где они лежат, – в специальной толстой папке в кабинете Молчанского. Знала, потому что много раз доставала их оттуда, чтобы записать детей к врачу или оформить заграничные страховки. Она вообще знала, что где лежит в этой квартире.

– Тетя Вера. – Голос был похож на шелест, но она услышала, бросилась к мальчишке, который открыл глаза и теперь неглубоко, судорожно дышал, видимо, от большой потери крови.

– Что, Костик? Ты только не бойся. Все обязательно будет хорошо. Я сейчас найду папу или маму, и они приедут к тебе в больницу сразу, как смогут. Ты держись, Костик. Ты поправишься, и папа во всем разберется. Понимаешь?

Костик замотал головой, его глаза лихорадочно блестели.

– Тетя Вера. Там... В моей комнате...

Фельдшер с водителем начали перекладывать его тело на носилки, накрыли сверху большим банным халатом. Молчанский стащил его в одном из парижских отелей. И почему-то страшно гордился своей хулиганской выходкой. И халат этот отказывался менять на какой-либо другой, к вящему неудовольствию Светланы. Сейчас, прикрывая измученное тело Костика, халат выглядел вызывающе мягким и ослепительно белым. При виде пушистой махры Вере вдруг остро захотелось плакать. Она сморгнула выступившие слезы, застилавшие ей глаза, пока она бежала по коридору, чтобы принести полис и паспорт Костика, вернулась, протянула докторше.

– Тетя Вера...

Она заставила себя сфокусировать взгляд на осунувшемся лице мальчишки. Кивнула, мол, слушаю тебя.

– Там, в моей комнате... Письмо... Заберите...

Носилки подняли в воздух, понесли, стараясь не задевать стены, Вера судорожно заметалась по прихожей, натягивая ботинки, выскочила на лестничную площадку, вернулась обратно. Надо забрать то письмо, о котором говорил Костик, раз это ему так важно. Она опрометью бросилась в комнату, кавардак в которой, казалось, стал еще сильнее. Перевернула ворох бумаг на столе. Ничего. Оглядела небольшую стенку с разбросанными дисками, флаконами из-под одеколona, пустыми бутылками из-под импортного алкоголя, мягкими игрушками, при виде которых снова чуть не заплакала. Да где же это чертово письмо и как она узнает, что это именно оно?!

Конверт, мятый, словно кто-то в ярости скомкал его, а потом расправил, обнаружился в стопке учебников. Почему-то при взгляде на него Вера сразу поняла, что ищет именно его, а потому, не разворачивая, быстро засунула в сумочку, выскочила из квартиры, не забыв запереть дверь, и побежала вниз по лестнице, отчаянно надеясь, что «Скорая» еще не уехала. Носилки как раз закончили закреплять в машине, Вера заглянула внутрь, успокаивающе кивнула парнишке: нашла, не волнуйся. Он улыбнулся ей в ответ и закрыл глаза. Хлопнула дверца, взревел мотор, и Вера осталась на тротуаре в полном одиночестве смотреть вслед удаляющейся машине. На душе у нее было мутно и тоскливо.

* * *

Телефон Молчанского не отвечал, точнее, вообще был выключен. Такое на памяти Веры случилось впервые. Может, и правда в запое? О том, что Костик пытался покончить с собой и его увезли в больницу, родителям мальчика нужно было сообщить срочно, поэтому, постучав телефоном по зубам, она всегда так делала в минуты серьезных размышлений, Вера набрала номер Светланы Молчанской. Та, в отличие от мужа, трубку взяла сразу.

– Да. – Голос звучал глухо и отрывисто, как будто Светлана разговаривала откуда-то из подземелья.

– Света, это Ярышева, – зачем-то пояснила Вера, хотя понимала, что ее номер высветился у Молчанской на экране, и та прекрасно знает, с кем разговаривает.

– Вижу, – коротко сообщила собеседница. – Я уже три дня жду, что ты нарисуешься. И что ты хочешь мне сказать? Что мой муж – невинный агнец? Что я не должна разрушать наш крепкий и стабильный брак? Что из-за моего поведения он не может нормально работать, и ваша чертова контора летит в тартарары? Так туда ей и дорога.

– Света...

– Я не хочу ничего этого слышать, поняла? И я никогда к нему не вернусь, можешь так ему и передать, верный Санчо Панса! Или с тобой он тоже спал? И вся твоя щенячья верность и не щенячья вовсе, а верность суки кобелю, который ее трахает? Так?!

– Света. – Вера сделала тяжелый вдох, чувствуя, как у нее начинают гореть щеки.

Не заслуживала она тех ужасных слов, которые, как мерзкие жабы в детской сказке, срывались сейчас с губ ее собеседницы. Совсем не заслуживала. И за что ей все это? Она бросила бы трубку, но Костик...

– Заткнитесь уже! – пролаяла она в трубку, и Молчанская замолчала, словно захлебнувшись изумлением. – Заткнитесь и слушайте. Костик в больнице. Он пытался покончить с собой. Вскрыл вены в ванной. Так получилось, что я его нашла. Искала Павла, но его не было дома. Света, вашего сына увезли в детскую областную больницу. Он там совсем один, ему плохо и страшно. Врачи говорят, что он употреблял наркотики, и, судя по состоянию его рук, это действительно так. Вы должны туда поехать.

Ее собеседница молчала. Из трубки не раздавалось ни звука, и Вера даже подула в нее зачем-то, чтобы убедиться, что связь не прервалась.

– Я ничего никому не должна, – наконец сказал голос в трубке. – Слышишь? Ничего! Никому! Не должна! Господи, как же я от них от всех устала.

– От кого от них? – Вера чувствовала себя совершенно сбитой с толку.

– От Молчанских. Единственное, что я хочу, – это жить своей жизнью, в которой больше никогда не будет никого из них. Понимаешь? Хотя нет, ты не понимаешь. Никто не понимает. А я просто устала. От этой фальшивой жизни. От вранья бесконечного.

– От какого вранья, Света? – Вера разговаривала осторожно, как с душевнобольной. Молчанская сейчас казалась ей именно такой – женщиной не в себе. – О каком вранье вы говорите? Павел всегда любил вас и очень ценил семью. А любовница – ну да, была какая-то идиотка с длинными ногами, потому что так положено в тех кругах, в которых он вращается. Наверное, это очень обидно и неприятно, я как женщина очень вас понимаю. Но также я понимаю и то, что это все глупость несусветная, которая к реальной жизни отношения не имеет. И Костик... Может, вы не поняли – он в больнице.

– Да все я поняла. – Светлана говорила теперь устало, весь прежний пыл куда-то улетучился, как будто из нее внезапно выпустили воздух. – Я съезжу к Костику, Вера. Конечно, съезжу. В конце концов, мальчик не виноват, что так все сложилось. Никогда не был виноват. И раньше тоже. А во всем остальном... Это вы не понимаете, Вера. Потому что смотрите на своего обожаемого начальника через розовые очки. Конечно, когда-то давно, в молодости, он меня любил. Но потом это прошло. Осталась привычка. Привычка и чувство благодарности за то, что я согласилась сделать. Мы давно уже жили каждый своей жизнью. В его были работа, любовница, кураж, интерес. В моей не было ничего, кроме одиночества и бесконечного вранья. Сначала врал только он, потом начала врать я. В общем, даже хорошо, что это все наконец кончилось и я смогу начать новую жизнь. Без Молчанских и их бесконечных проблем. И деньги на это у меня скоро будут.

Она отключилась внезапно, не попрощавшись, и Вера продолжала машинально прижимать замолчавший телефон к уху. Она совершенно ничего не понимала. Вся жизнь семьи Молчанских в последние пять лет проходила на ее глазах, и никогда ей в голову не закрадывалось подозрение, что у них может быть что-то не так. Но слишком много искреннего страдания было в словах Светланы, в ее интонациях. Господи, да что ж такое происходит-то!

Она снова попробовала набрать номер начальника, но абонент был по-прежнему вне зоны действия сети. Ничего не поделаешь, придется ехать на дачу. Молчанского нужно найти, привести в чувство, рассказать про сына и выяснить, что можно сделать.

Телефон зазвонил резко и так внезапно, что Вера подпрыгнула на сиденье своей машины. Звонил Сергей Гололобов, ближайший друг и правая рука Молчанского, его заместитель в «М-софте». Отношения с ним у Веры были м-м-м-м сложные. Когда-то он всерьез подбивал к ней клинья, но правило «никаких романов на работе» она соблюдала свято, а потому Гололобову отказала, хоть и не без некоторого сожаления.

Мужик он был красивый, видный, в отличие от приземистого и коренастого Молчанского, высокий и ладный, тонкий в кости. Начальник к тому же начал лысеть, а заместитель шевелюру имел роскошную – густую, с сединой. В общем, мечта, а не мужик, но Вера тогда выбрала спокойствие и стабильную зарплату, о чем если и жалела, то несильно.

Он же, как и положено альфа-самцу, ее отказ воспринял болезненно, и их дальнейшие контакты всегда происходили по принципу «ложечки нашлись, а осадок остался». Гололобов Веру не любил, хотя и старательно это скрывал за безукоризненной вежливостью. Но такие вещи всегда чувствуешь, поэтому она была уверена, что внутренний камертон ее не подводит.

– Здравствуй, надежда и опора нашей богоспасаемой конторы, – услышала она сейчас и поморщилась, как будто у нее разом заболели все зубы. – Ты сегодня вроде из отпуска должна выйти, а в офисе тебя нет. Почему?

– Сергей Юрьевич, я вроде вам не подчиняюсь, а потому и отчитываться не должна, кажется. Или за время моего отпуска что-то изменилось? – аккуратно спросила она.

– Да вроде нет, что у нас могло измениться?

– Да многое, как я успела заметить. – Вера вздохнула. – У вас ко мне какое-то дело?

– В общем, как ты правильно догадываешься, просто так я тебе звонить не могу, – согласился Гололобов. – Насколько я тебя знаю, ты сейчас поехала к Пашке, спасти его из пучины депрессии. Так?

– Не совсем. – Вера посмотрела сквозь стекло машины, за которым по-прежнему виднелся залитый осенними дождями двор дома Молчанских. – А что, есть возражения по поводу спасения из пучины?

– По существу заданного вопроса отвечаю: я уверен, что Пашку не надо ниоткуда спасать. Из любой задницы, в которой он оказывается, он всегда выбирается сам. Особенно в тех случаях, когда влез туда тоже без посторонней помощи. Он взрослый мальчик, так что сам разберется с собой и своим богатым внутренним миром, так что тут ты зря стараешься. Впрочем, я, конечно, не против, потому что тебя не переделать. Суетись, если нравится. Просто если ты видишь перед собой Молчанского, то передай ему, пожалуйста, что с налоговой проверкой в офисе я самостоятельно разбираться не намерен. Он там намудрил что-то, вот пусть и разгребает. А для этого нужно для начала дотащить свою задницу до офиса.

Вера почувствовала, что голова у нее совсем пошла кругом. Какая налоговая проверка? Еще две недели назад, когда она уезжала в отпуск, не было и речи ни о каких проверках. Почему утром Ирина Геннадьевна ей ничего не сказала? В какие неприятности мог вляпаться начальник, если он не шутил с налогами от слова никогда?

Стоп. Начальник еще никогда не ссорился с женой, не имел проблем с сыном-школьником, спортсменом и отличником, а также практически не пил. Если вся эта благополучная конструкция рухнула в одночасье, тогда и проблемы с налогами вполне могут быть из той же самой оперы. Почему нет?

– Ты там что, в обмороке? – спросил догадливый Гололобов. – Или Пашка в обмороке? Так ты его того, из обморока-то доставай. Он нам вменяемый нужен. И по возможности трезвый. Вера, лапушка, давай, соберись. На тебя одна надежда. Налоговая завтра придет, а я даже приблизительно не понимаю, что именно им нужно.

– Сергей Юрьевич, я не с Павлом! – в сердцах сказала Вера. – Но вы правы, я действительно собираюсь съездить к нему на дачу и с ним поговорить. Про налоговую передам. Только я одного не понимаю: а он вообще про нее в курсе?

– Откуда я знаю? – искренне удивился Гололобов. – Я до него с четверга дозвониться не могу. В общем, ты уж не подведи, Верунчик. Если он кого и послушает, так только тебя. Ты же у нас кремень. Железная леди.

Комплимент звучал сомнительно, впрочем, Вере сейчас было не до комплиментов. В третий раз попытавшись набрать номер Молчанского и снова безрезультатно, она бросила телефон на пассажирское сиденье, завела машину и выехала из двора. Путь до дачи ей предстоял неблизкий.

По дороге она позвонила сыну и маме, что сегодня, скорее всего, снова задержится допоздна. Она редко приходила с работы раньше семи-восьми вечера и чувствовала себя постоянно виноватой перед самыми близкими людьми, хотя и сын, и мама, и папа все прекрасно понимали и не обижались.

– Ты у нас главный кормилец в семье. А деньги просто так не платят, – всегда говорила мама. – А мы с Илюшей и уроки сделаем, и покушать приготовим, и книжку читаем, и будем тебя ждать. Ты за нас не волнуйся.

Иногда Веру волновало, что мальчик растет без сурового мужского воспитания, полностью замкнутый лишь на обожающих его бабушку и деда, но изменить все равно ничего не могла. А что волноваться без толку? Вон в семье Молчанских был муж и отец, настоящий мужик Павел Александрович, а Костик, оказывается, колетса. И что толку с того мужского воспитания? Впрочем, думать об этом сейчас не хотелось.

Вера сосредоточенно вела машину, пытаясь выстроить предстоящий ей разговор с начальником. Что она будет делать, если он окажется пьяным? Как скажет про сына? Как уговорит привести себя в порядок и ехать в больницу, к сыну и жене? Как выяснит про проблемы с налоговой? От правильно выстроенной беседы зависело очень многое, а значит, Вера не могла позволить себе сплеховать.

Мокрая дорога немного подмерзала на пронизывающем ветру. Вот вроде и температура плюсовая, а все равно скользко. Вера вдруг подумала, что после отпуска не успела поменять резину на шипованную, посмотрела прогноз погоды и решила, что у нее будет на это неделя, не меньше. Она бы и была, если бы Веру не понесло за город. Она сбросила скорость и поехала медленнее, крепко держа руль двумя руками. Ей нельзя попадать в приключения, потому что в них уже попал ее начальник, а два приключения сразу ей, Вере, пожалуй, не пережить. Не справиться.

Съехав с трассы на проселок, ведущий к даче, по которому нужно было проехать километров восемь, Вера чуть расслабилась, потому что здесь уже не было машин, да и дорога снова стала просто мокрой, не блестящей. Она вилась среди деревьев, и здесь, сколько помнила Вера, всегда был свой особый микроклимат.

Еще через пять минут она уже въезжала в коттеджный поселок, в котором Молчанский построил себе дачу. Повернув направо, достигла нужной улицы, снова повернула. Забор нужного ей участка уже был виден, высокий, кованный забор, на который Молчанский угрохал целое состояние. Ворота были раскрыты настежь, и у Веры зародилась надежда, что начальник там, на даче. Он терпеть не мог запертые двери и ворота и практически никогда их не запирали. Когда был на даче, конечно. Если он уезжал, то помещение ставилось на охрану, очень надежную. В отсутствие хозяев это был не дом, а крепость. Если же хозяева находились дома, то крепость превращалась в проходной двор. Ну, вот и хорошо, можно будет въехать на участок, не дожидаясь, пока ей кто-то откроет.

Додумать эту мысль Вера не успела. Громкий хлопок раздался из-за забора, за которым скрывалась цель ее путешествия, и в небо устремился высокий яркий столб огня. Через мгно-

вание Вера поняла, что на даче Молчанского что-то взорвалось. Неверными руками она схватила телефон и набрала номер службы спасения.

* * *

С других участков бежали люди. Поселок был вполне себе жилой, несмотря на глубокую осень, дома не пустовали, многие жили тут круглый год, искренне полагая, что пятьдесят километров до города – не то расстояние, чтобы дышать смогом.

– Что рвануло-то? – К Вере подскочил какой-то бородатый мужик, в котором она, пусть и с трудом, но все же узнала директора крупного судостроительного завода. Что и говорить, соседи у Молчанского были приличные.

– Не знаю, – отмахнулась она и бросилась во двор, в котором все так же полыхал огонь.

– Куда ты, сумасшедшая?! – Мужик попытался схватить ее за руку, но она вырвалась. – Стой, а если снова рванет?

– А если там кому-то нужна помощь?

Мужик немного потоптался в нерешительности, но все же побежал вслед за Верой. Молодец, мог бы и струсить.

Полыхала машина – два месяца назад купленный Молчанским новый BMW, еще даже не прошедший обкатку. Сквозь пламя Вера пыталась рассмотреть, есть ли кто в салоне, но завеса пламени была такой плотной, что ей это никак не удавалось. Закрыв от жара лицо, она бросилась по тропинке к дому, к счастью, стоящему в глубине участка. Огонь от машины ничем ему не угрожал.

Входная дверь оказалась открытой, и Вера остановилась, вдруг отчаянно струсив. Третьего «сюрприза» за сегодняшний день она, пожалуй, не перенесет. В ухо ей кто-то пытел. Тот самый бородатый судостроитель, не иначе.

– Эй, есть кто? – позвал он из-за ее спины. – Хозяин, отзовись, ты вообще живой?!

Этот вопрос не давал покоя и Вере, страх зудел где-то внутри противным надсадным комаром, которого хотелось побыстрее прихлопнуть. Она даже не стала утруждать себя снятием ботинок – кинулась внутрь дома, пробежала по большой круглой гостиной, совмещенной с кухней, зачем-то рванула дверь ванной комнаты, словно ожидая увидеть там бездыханное тело начальника. Пусто.

– Я на втором этаже посмотрю, – услышала она голос бородатого. Ну и слава богу, пусть осмотрит спальни.

Сама же она промчалась по узкому коридорчику и рванула дверь кабинета, из которого можно было выйти сразу на задний двор. Молчанский любил здесь работать, широко открыв двери и глядя на засеянный итальянской травой зеленый газон. Шеф и сейчас был здесь. Лежал в широком кресле у камина, впрочем, незажженного. Одна рука свесилась вниз, словно неживая. И при виде этой руки Веру вдруг затошнило так сильно, что она согнулась в три погибели, охватив живот руками и тяжело задышав, как собака, вывалившая язык на солнцепеке. Ей даже казалось, что у нее слюна капает, тоже как у собаки. Господи, позорище какое!

– Нет там никого. Ты чего это? – Очень крепкие, «медвежьи» мужские руки обхватили ее сзади, приподняли, разворачивая в воздухе, и она оказалась лицом к лицу с соседом, машинально схватилась за него, чтобы не упасть, пальцы ощутили легкую приятную колкость бороды. – Тебе что, плохо?

– Мне хорошо, а вот Павлу – не знаю. – Вера слабо качнула головой в сторону бездыханного тела в кресле. Сосед послушно повернул голову, поставил Веру на пол, проследив, впрочем, не упадет ли, и широкими шагами направился к Молчанскому, склонился над креслом.

– Павлух, ты чего тут разлегся? Вставай давай. У тебя там тачка догорает.

В ответ раздалось слабое мычание, и у Веры разом отлегло от сердца. Раз мычит, значит, живой. Она подошла поближе как раз вовремя, чтобы увидеть, как ее шеф разлепил мутные глаза и непонимающе уставился на них обоих.

– Вера-а-а? А ты что здесь делаешь? – удивился он, и только тут до Веры дошло, что он безобразно пьян. Не мертв, не ранен, не болен, а именно пьян. В доску, в зюзю, в соплю, как принято говорить в народе.

Ее вдруг охватила ярость, такая же сильная, как до этого страх. Широкими шагами Вера достигла камина, схватила с него бронзовый подсвечник и со всего маху бросила в зеркало, висящее над камином. Брызнули во все стороны капли стеклянного дождя. У соседа в прямом смысле слова отвалилась челюсть, а начальник пьяно икнул и в изумлении уставился на свою помощницу.

– В-в-верка, ты с ума сошла, что ли? Ты чего творишь?

– Нет, Павел Александрович, это вы чего творите?! – сказала она тем металлическим тоном, который обычно заставлял программистов откладывать бесконечные компьютерные стрелялки и приниматься за работу, водителей – проходить положенные медосмотры, а бухгалтеров отставлять чашки с чаем. – У вас сын в больнице, налоговая в офисе, и машина во дворе догорает, а вы тут zenки залили и валяетесь, как свинья в навозе!

И откуда она только взяла этот навоз, господи ты боже мой!

Во взгляде Молчанского промелькнуло искреннее изумление. Казалось, от Вериной наглости он даже малость протрезвел.

– погоди, Вер. – Голос звучал жалобно. – И ты, Димка, тоже подожди.

Ага, бородатого судостроителя, оказывается, звали Димкой. Хотя сейчас Вера отчетливо вспомнила, что знала его имя и раньше. Дмитрий Андреевич Крылов, вот как его звали. Странно, что родители не назвали его Иваном, был бы полным тезкой известного баснописца. Тьфу ты, господи, какая только глупость в голову не лезет!

Молчанский тем временем пытался принять вертикальное положение. Получалось не очень. Крылов молча подошел, помог ему встать, удерживал под руку, потому что Павел то и дело норовил завалиться обратно.

– Вера, давай частями. А то я не очень понял. Что с Костиком?

Ну слава богу, про сына спросил сначала, не про машину. Разочаровываться в начальнике еще больше Вера была, пожалуй, не готова. Она покосилась на Крылова – рассказывать при нем или нет?

– Брось, – Молчанский махнул рукой и снова пошатнулся, – не до церемоний, похоже. Димка – кремень, а не мужик. Никому не расскажет.

– Костик в больнице, – послушно начала рассказывать Вера. – Я искала вас, приехала к вам домой и нашла его в ванной комнате. Он себе вены перерезал. Но вы не волнуйтесь, Павел Александрович, с ним все в порядке. Почти...

– Что значит почти? – Нет, шеф всегда умел вычленять главное.

– У него на руках следы от уколов. Врачи говорят, что он подсел на наркотики.

– Так. – Молчанский оперся спиной о каминную полку, растер лицо руками. – Здравствуйте, приехали. Светка знает?

– Я позвонила, она сказала, что съездит в больницу. – О некоторых странностях в разговоре с женой Молчанского Вера благоразумно решила не распространяться. – Но я решила, что вам тоже нужно знать. Тем более что мальчик наверняка захочет вас увидеть.

– Надо ехать. – Шеф попробовал отлепиться от каминной полки, сделал несколько шагов и снова чуть не упал. – Черт, надо холодный душ, пожалуй, принять.

– Судя по твоему внешнему виду, тебе надо не душ принимать, а капельницу ставить, – мудро заметил Крылов. – Паш, а ты чего в такое скотское состояние-то себя вогнал? Сколько я тебя знаю, таким не видел.

– А я таким никогда и не был, – буркнул Молчанский. – Вер, ты, правда, организуй мне нарколога какого-нибудь, чтобы сюда приехал. Я правда в таком виде никуда ехать не могу. А про налоговую ты чего говорила?

– Проверка у нас какая-то, Гололобов весь на беспокойство изошел, – сообщила Вера сердито. В уме она уже прикидывала, где именно брать нарколога и как организовать его приезд за пятьдесят километров. Или лучше отвезти шефа в город? В платную клинику? Да, пожалуй, так будет проще.

– Вы не можете сейчас никуда его увезти. – Тихий голос Дмитрия заставил ее вздрогнуть. Он что, мысли читает? – Сюда сейчас пожарные приедут и дознаватели. Это часа на полтора, не меньше.

– Бред какой-то, – вздохнул Молчанский и икнул. – Какая проверка? Чего от нас может быть нужно налоговой, да еще такого, чтобы Гололобов беспокоился? Не делаем мы ничего такого, беспокойного. Ну, это я разберусь, когда... когда буду себя лучше чувствовать. А пожарные-то при чем?

– Да машина твоя взорвалась, – спокойно сообщил Крылов. – Соседи ее во дворе тушат, подручными средствами, пока мы тут с тобой разговариваем. Надеюсь, пожарных догадались вызвать. О, едут...

С улицы действительно раздался вой сирены. На лице начальника Вера снова прочитала мучительное недоумение.

– Машина? Моя машина взорвалась? Отчего? Я к ней с четверга не подходил. Кажется.

– Ну то, что ты не подходил, не означает, что никто другой не подходил. – Голос Дмитрия звучал, пожалуй, даже весело. – И вот что скажу я тебе, Паша: какое-то интересное кино вокруг тебя намечается.

– Интересное, – согласился Молчанский. – Но раз так, значит, будем смотреть.

От сгоревшей машины остался почерневший остов. Выглядел он жутковато. Пожарные уехали, дознаватели и полиция тоже, записав показания и Веры, и Дмитрия Крылова, и плохо соображающего Молчанского, который, впрочем, не мог сообщить ничего полезного. Вере казалось, или все присутствующие действительно смотрели на него с плохо скрываемым отвращением.

Рядом с рослым, широкоплечим красавцем Крыловым шеф, впервые в жизни, смотрелся жалко. Невысокий, коренастый, пьяный лысый мужчина средних лет в заляпанных чем-то жирным джинсах и грязной, когда-то белой рубашке, расстегнутой до пупа. Живот и грудь у него поросли густой, золотистой шерстью, и отчего-то смотреть на эту богатую растительность Вере было неудобно.

«Голова лысеет, а грудь волосатая. Тестостерона много. А у этого судостроителя, получается, наоборот, мало?» – некстати подумала она и жгуче покраснела от идиотских мыслей. Нашла время, ей-богу!

– Пойду я, пожалуй. – Дмитрий Крылов вздохнул, не подозревая о муках совести собеседницы. – Или вам помощь нужна?

Вопрос был не праздный, потому что Молчанский вдруг побелел, кинулся прочь, и теперь его мучительно рвало в туалете. Звуки, раздающиеся оттуда, красноречиво доказывали, что шефу очень плохо и, насколько Вера понимала жизнь, в ближайшее время должно было стать еще хуже.

– Справлюсь, – пожала плечами она. – На то я и персональный помощник, чтобы справляться в любой ситуации. В такой я еще не была. С ним не была, – поправилась она. – Но с мужем своим я развелась именно из-за такого вот скотского поведения, так что шокировать меня трудно.

– Информацию о вашем семейном положении я принял. – Крылов смотрел вполне серьезно, лишь где-то в углу рта пряталась легкая улыбка. Вера тут же снова покраснела. Да

что ж у нее с вегетатикой-то сегодня! – Могу ли я уточнить степень вашей свободы не только от брачных уз, но и от Пашкиных чар?

Он видел, что она не поняла, и уточнил:

– Извините за хамский вопрос, но я предпочитаю сразу ставить все точки над «і». Вы Пашке только помощник или еще какой статус имеется?

– Вопрос действительно хамский, – кивнула Вера, прислушиваясь к жутким звукам из ванной. – Но я на него отвечу, потому что шокировать меня трудно, а скрывать мне нечего. Я только помощник Павла Александровича, из-за чего знаю о нем больше, чем мне бы хотелось, в том числе и о статусах остальных его, м-м-м, знакомых. Но помощник я хороший, работу свою ценю, а потому выполняю ее хорошо. Так что вы можете идти. Я справлюсь.

К вечеру она, впрочем, уже была готова ругать себя за излишнюю самонадеянность. Молчанского рвало так долго и так мучительно, что в какой-то момент Вера испугалась, что он умирает. Ей пришлось найти врача, который согласился приехать в такую даль от города, за очень солидную сумму согласился, конечно. Шефу сначала промывали желудок, и его снова рвало, пока он не обессилел настолько, что не мог уже даже стонать, лежал на диване, как мертвый, и Вера обтирала его влажными полотенцами, потому что он страшно потел, а потом укрывала пледом, потому что он трясся, как в температурном ознобе. Затем ему поставили капельницу, и он, в полном беспомоществе, все норовил вырвать ее, и Вера удерживала его руки, горячие и тяжелые, и прижимала к кровати, и давала попить воды, которая, впрочем, плохо в нем держалась, и шептала какие-то глупости, как сыну, когда он маленьким болел.

Доктор уехал примерно в полночь, и к этому времени Молчанский забылся тревожным, но все-таки сном. Вера валилась с ног, но боялась его оставить, и просто села на пол у дивана и уснула, положив голову на его край, готовая при первом же шорохе сорваться с места и снова бежать на помощь. Свет она не выключала, потому что ей отчего-то было страшно в этом большом доме, хотя, проводив врача, она заперла все двери и проверила все окна. Почему-то ей казалось, что Молчанскому угрожает опасность. Неведомая и оттого особенно страшная.

Совершая обход дома, Вера немного постояла перед находящимся в углу кабинета стеклянным шкафом, за которым хранилась коллекция нэцке – вырезанных из слоновой кости японских фигурок, каждая из которых что-то символизировала, а что именно, Вера не знала. Любое коллекционирование было ей чуждо, она никогда не поклонялась вещам, а потому трепет от владения тем или иным новым экспонатом был ей неведом.

Насколько она знала, коллекционированием нэцке шеф увлекся года два назад, но помощницу свою в это дело не вовлекал, справлялся самостоятельно. Иногда Вере попадались на глаза какие-то каталоги или письма от аукционных домов, но детали ей Молчанский не рассказывал, а она и не спрашивала.

Сейчас от нечего делать она пересчитала фигурки, их было восемьдесят семь, мимоходом представила, сколько денег Молчанский выкинул на свое очередное увлечение, но думать об этом было неинтересно. В конце концов, каждый тратит свои деньги на то, что считает нужным, а завистливой Вера не была и чужие деньги никогда не считала.

Немного подумав, она позвонила Светлане, чтобы узнать, как Костик. С мальчиком все было в порядке, он спал, и Светлана уехала домой, не осталась в больнице. Вера попыталась было рассказать ей про взрыв и про пожар, но Светлана прервала ее, сказав, что события из жизни мужа ее больше не интересуют.

– Жив, и ладно, – сказала она довольно равнодушно. – Ну а помер бы, похоронила. Осталась бы богатой вдовой с прекрасными перспективами. Не скажу, что безутешной.

Подобная черствость поразила Веру до глубины души, но к этому моменту она уже так устала, что думать о том, что произошло между Молчанскими, не стала. Позвонила родителям и сыну и вернулась к исполнению своих обязанностей, которые сегодня заключались в том, чтобы быть сестрой милосердия. Что ж, не самая трудная участь. Несколько раз ей звонил

Гололобов, но отвечать Вера не стала. Что бы ни творилось в фирме, дела вполне могли потерпеть до завтра. Как терпела сама Вера.

* * *

Звон будильника ввинчивался в мозг. Господи, и почему она поставила на будильник такой рингтон? Как писк комара, навязчивый, противный, так и хочется прихлопнуть, а для этого волей-неволей придется встать. Разлеплять глаза не хотелось так сильно, что она даже застонала. Да еще и шея почему-то болит.

В ответ вдруг тоже послышался стон:

– Да выключи ты свой будильник, Ярышева, от него с ума сойти можно!

Вера резко распахнула глаза и вспомнила вчерашний день и последующую за ним ночь. Она по-прежнему сидела на полу у дивана, на котором лежал ее начальник. Оттого и шея болит, что затекла в неудобной позе. Ох, грехи наши тяжкие, сколько ж это ей удалось поспать?

Она выключила наконец будильник на телефоне и уставилась на часы. Ну да, шесть пятнадцать, как и положено. Настроенный на одно и то же время по будням, будильник никак не мог учесть то непреложное обстоятельство, что уснуть, пусть и на полу, его хозяйке удалось не раньше, чем в начале третьего ночи. Ну да, четыре часа она и спала, пристроив голову на край дивана. Чего только не сделаешь для спасения заблудшего начальника! Кстати, как он? Раз стонет и разговаривает, значит, живой.

Действительно, живой Молчанский перевернулся на спину, лежал, бессмысленно таращась в потолок. Глаза красные, волосы взлохмаченные, на щеках – пятидневная щетина, рубашка грязная и мятая. Мечта, а не мужчина!

– На работу потащишь? – спросил он, оглядывая Веру с ног до головы.

Под его взглядом она вспыхнула, осознавая, что тоже выглядит не лучшим образом. Тушь наверняка осыпалась, ведь вчера с вечера ей даже в голову не пришло смыть косметику. От укладки – одни воспоминания, блузка несвежая, зубы не чищены. Ужас!

– Сначала нужно понять, сможете ли вы вообще встать, – сварливее, чем это было необходимо, сказала Вера. – Вам нужно привести себя в порядок, я приготовлю завтрак, а дальше видно будет. Но если вы хотите знать мое мнение, то вам действительно нужно в офис, однако после того, как вы съездите в больницу к Костику.

– Да, Костик. – Молчанский помрачнел. – С этим дерьмом нужно разобраться в первую очередь. Надо же, наркотики! Никогда бы не подумал...

– Павел Александрович, вы меня, конечно, извините за дерзость, но вы много о чем, похоже, не думали, – язвительно заметила Вера.

Нет, не было у нее никаких прав так с ним разговаривать, но проведенная у его ног ночь как будто открыла в душе невидимые до этого шлюзы.

– Дерзость? – Он вдруг ухмыльнулся и на мгновение стал похож на прежнего Молчанского, не пьяного с бессмысленным взглядом, а ироничного, умного, в чем-то бесшабашного повелителя жизни, коим он ей всегда представлялся. – Ну, думаю, что после того, как ты полночи слушала мое рыгание, тебе много чего можно простить, хотя ты все же не зарывайся, Ярышева. Но в общем и целом ты, конечно, права. Не поспоришь.

Он рывком поднял свое тело с дивана, встал на ноги, покачнулся и был вынужден схватиться за спинку, чтобы не упасть.

– Черт...

– Пить – здоровью вредить, – глубокомысленно изрекла Вера. – До душа дойдете или вас проводить?

Он обернулся и снова оценивающе посмотрел на нее, сверху донизу ощупал бесстыдным, очень мужским взглядом, будто раздел. Вера опять невольно покраснела. Нет, все-таки беда с вегетатикой, надо будет к доктору сходить.

– В душ я сам, – церемонно ответил Молчанский. – А потом, наверное, надо попытаться что-то съесть, хотя я крайне сомневаюсь, что получится. Или сначала съесть? Ты как думаешь?

– Павел Александрович, а можно сначала мне в душ? – спросила Вера. – А потом я яичницу поджарю, с помидорами и сыром. И кофе вам сварю. Хотя вам, наверное, чай лучше.

– Кофе, – задумчиво сказал он, словно прислушиваясь к себе. – И чай. И минералки. С лимоном. Принеси, а, там на кухне есть, в холодильнике. Я бы сам, но туда я, наверное, не дойду.

Вера и без его слов видела, что начальнику худо. Так худо, как может быть после пятидневного запоя, из которого выводят с помощью капельницы. По-хорошему, так нужно бы и еще одну поставить, а то и несколько. Но это не сейчас, позже. Сейчас нужно как-то привести его в чувства и отвезти в город.

Она сходила на кухню, принесла пузатую зеленую бутылку французской минеральной воды, которую с подачи Молчанского, пившего только эту воду, тоже полюбила, хотя покупала редко из-за дороговизны, высокий стакан, тонко порезанный лимон и вазочку со льдом, который отыскался в морозилке. Готовили его, понятное дело, не для минералки, для виски, но виски сейчас Павлу Молчанскому был строго противопоказан.

Сорвала пробку, тугая струя ударила о дно бокала. Шеф напряженно смотрел за Вериними действиями и облизывал сухие запекшиеся губы. Так хотел пить.

– Держите.

Бокал он осушил в три глотка и протянул Вере, глядя умоляюще, – мол, еще. Она усмехнулась и повторила нехитрую операцию: два куса льда, один ломтик лимона, вода до краев, чтобы пузырьки, лопаясь, выскакивали наружу. Он снова влил в себя воду, постоял, отдуваясь, потом приказал:

– Ладно, давай дуй в душ, который в гостевой спальне. Там полотенца, шампуни всякие, впрочем, ты ж, наверное, знаешь.

Вера действительно знала и, пока принимала душ, размышляла над странностями собственной жизни, которые позволяли ей быть в курсе того, какие шампуни предпочитает Светлана Молчанская, когда в последний раз меняли насадку для душа в хозяйской спальне и когда домработница нечаянно разбила раковину в ванной для гостей. С другой стороны, что же тут странного, если у нее такая работа?

Она избавилась от одежды, влезла под душ, включила самую горячую воду, которую только могла вытерпеть. Горячую воду она не любила, но сейчас ее бил озноб, вызванный недосыпом и нервным напряжением, не отпускавшим со вчерашнего дня. Нужно было согреться.

Из ванны она вышла распаренная и жаркая, натянула банный халат, висевший на дверном крючке, с наслаждением почистила зубы, очистила лицо имеющимся в шкафчике молочком для снятия макияжа, заново накрасилась, поскольку косметичку предусмотрительно всегда носила с собой, покручинилась, что с той же предусмотрительностью не позаботилась о запасных трусиках, обошлась найденными в недрах шкафчика однодневными прокладками, придирчиво осмотрела блузку, которая вполне могла выдержать еще один трудовой день, на волосы навертела тюрбан из полотенца, решив, что позже просто закрутит их в «кучку», особенно не заботясь об укладке, и вывалилась обратно в коридор вместе с облаком пара.

На кухню она вплыла, еще не совсем довольная происходящим, но хотя бы считающая, что жить можно. Ей очень хотелось есть, и она надеялась, что в холодильнике найдется запас продуктов на две большие яичницы и пачка апельсинового сока.

На кухне у окна стоял завернутый в полотенце свежесбранный Молчанский. Полотенце, серое, довольно большое, было обернуто вокруг его чресел, вверху оставляя открытым вну-

питательный, очень волосатый торс, а внизу – крепкие, тоже обросшие густой растительностью босые ноги. Вера невольно ойкнула.

– Что, хочешь сказать, что я тебя смущаю? – осведомился Молчанский и шумно отхлебнул что-то из большой кружки с красочным Дедом Морозом, которую держал в руках. – Так ты это, будь проще, Ярышева. Я сейчас оденусь, только чай допью. У меня без чаю обморок может случиться. Или у тебя тоже того, обморок сейчас будет?

– У меня не будет, – добавив в голос былой язвительности, ответила Вера, повернувшись к нему спиной и начала с преувеличенной сосредоточенностью возиться в холодильнике. – У меня не бывает обмороков. Это во-первых. А во-вторых, не льстите себе, Павел Александрович.

Он засмеялся, хорошо, от души, как всегда смеялся тот, прежний, отлично знакомый ей Павел Молчанский. Допил чай, со стуком поставил пустую чашку в раковину.

– Ладно, пойду оденусь, – сообщил он. – Ты приготовь себе что-нибудь, потому что я есть не буду. Мне про еду даже думать страшно. И это, найди мне растворимый аспирин, что ли. Где-то он в доме точно есть, только я никак не могу сообразить где.

Вера кивнула, собравшись ответить, что поесть ему обязательно надо, поскольку иначе у него не будет никаких сил на предстоящий длинный и сложный день, но не успела, потому что по кухне разлился мелодичный звонок домофона. Потом второй и сразу же третий. Кто бы ни стоял сейчас у ворот, терпением он не отличался.

Ворота, которые хозяин дома все время оставлял нараспашку, Вера вчера собственноручно заперла за уехавшим доктором, но открыть их можно было и из дома. Очень предусмотрительно, если не хочешь лишний раз выходить на улицу. Она покосилась на Молчанского – откроет или нет? Тот тяжело вздохнул, но все-таки двинулся в сторону домофона, шаркая тапками, как старик. Полотенце било его по ногам, и Вера вдруг испугалась, что оно сейчас упадет.

– О-хо-хо, грехи мои тяжкие, – простонал вдруг шеф. – Ее-то каким ветром сюда принесло?

– Светлана приехала? – с легким испугом спросила Вера. Картина полуголого Молчанского и рядом ее самой, одетой в банный халат, могла распалить и без того ревнивое воображение супруги шефа. Доказывай потом, что ты не верблюд!

– Нет, не Светлана. – Начальник болезненно скривился. – Как раз наоборот. – И, видя непонимание на Верином лице, пояснил с очередным вздохом: – Котя.

Котя, точнее, конечно, Катя была той самой молодой, длинноногой, пышногрудой и абсолютно безмозглой любовницей, которая путала эссенцию с квинтэссенцией. Звонок в домофон раздался снова, и Молчанский наконец сообразил нажать кнопку, отпирающую ворота, и, все так же шаркая ногами, побрел к двери.

– Вот на хрена было все запирасть? – раздраженно спросил он. – Ты же знаешь, что я терпеть не могу запертые пространства.

– У вас вчера кто-то машину взорвал, если вы забыли, – напомнила Вера. – Не знаю, как вам, а мне было как-то спокойнее спать в запертом доме.

– Семи смертям не бывать, а одной не миновать, – туманно заметил Молчанский и распахнул дверь. В круглую прихожую ворвалась Катерина, неся с собой запах осеннего утра, тумана, свежести, перемешанный с ароматом духов, легких, ненавязчивых, очень утренних, таких, какими и полагается быть дорогим духам в семь часов утра.

– Привет, Пусечка. – Катя вытянула покрашенные губки для поцелуя, но щеки любовника не коснулась – берегла помаду. – Совсем ты одичал, сам не звонишь, трубку не берешь, сидишь тут на даче, как сыч. Уже голенький? Это хорошо. Сознавайся, ты меня ждал?

Она протянула длинные ловкие пальчики с ярким маникюром к узлу на полотенце, попыталась развязать, Молчанский сделал шаг в сторону, Катя подняла глаза и тут увидела стоящую в глубине кухни Веру. Глаза ее запылали.

– Вот оно что, оказывается! – В ее воркующем до этого голосе теперь был металл. – Я-то, дура, понять не могу, куда ты подевался, а ты тут, на даче, с бабами развлекаешься! Мне ты сюда, помнится, приезжать запрещал. «Семейное гнездо», – смешно передразнила она. – А эту свою подстилку тебе тут трахать моральный кодекс не запрещает?

– Катя... – В голосе Молчанского звучало предостережение, но красавица предпочла его не услышать. Вера стояла, чувствуя, как у нее пылают уши. Обычные обвинения не становились менее отвратительными только от того, что в них не было ни слова правды. Оправдываться она считала унижительным, а все происходящее несправедливым.

– Что Катя! – Голос девушки набирал обороты, становился все выше и выше. Она накручивала себя, входя в состояние истерики, из которого, как знала Вера, уже не могло быть выхода. – Ты, скотина, сколько раз я просила тебя развестись со своей старой кошелкой, уйти жить ко мне, дать мне, наконец, статус, которого я заслуживаю, а ты говорил, что для тебя семья – святое! А на самом деле ты все это время просто изменял мне с этой тихоней, с этим ходячим блокнотом, у которого вместо мозгов калькулятор! Ты посмотри на нее... У нее же ноги небритые. И на это ты меня променял? На это, да?! Ты скажи...

Вере казалось, что она сейчас упадет в обморок, несмотря на свои недавние заверения, что никогда этого не делает. Ноги она действительно после возвращения из отпуска побрить так и не удосужилась. Зачем, если с любовником она рассталась, а нового нет и не предвидится? Кто ж знал, что ей придется ночевать на полу рядом с практически бездыханным телом Павла Молчанского, а утром принимать душ в его ванной?

Звонкий, хлесткий звук разрезал воздух. Катя схватила за щеку, а Вера с изумлением поняла, что Павел отвесил любовнице пощечину.

– Ты меня ударил? – прошептала Катя. – Из-за нее? Из-за этой? Значит, она действительно что-то для тебя значит? Значит, она тебе дороже, чем я?

– Катя. – Голос Молчанского звучал устало. – Садись в машину и уезжай. Ты же на машине приехала, правда? Вот и прекрасно. Машину можешь оставить себе. Квартира еще на три месяца оплачена, если за это время ничего не придумаешь, позвони, я еще на полгода аренду продлю. Но на этом все. Расстанемся по-хорошему.

– Ты меня бросаешь? – В голосе девушки теперь звучали слезы. – Значит, все, что я сделала, я, получается, сделала для нее?

– Я не очень понимаю, что ты такого сделала. – Молчанский поморщился, и Вера поняла, что у него болит голова. Сильно болит, практически нестерпимо.

Она отвернулась от тягостной сцены и открыла шкафчик, в котором Светлана хранила лекарства. Шеф просил аспирин, а она его так и не нашла.

– Я не понимаю, что ты сделала, – повторил Павел, – но давай не будем разыгрывать трагедий. Я никогда не обещал тебе любви до гроба, а всегда честно предупреждал, что на тебе не женюсь...

– А на ком ты женишься, на ней?! – снова закричала Катя, но он продолжал, будто она и не перебивала его вовсе.

– ...и в общем-то было понятно, что наша сладкая история рано или поздно закончится. Вот она и закончилась. Ей-богу, Катюха, у меня и без тебя достаточно проблем. Жена ушла, сын в больнице, машину сожгли, голова отваливается, в общем, ариведерчи, спасибо, как говорится, за все.

– Какая же ты, оказывается, скотина, Молчанский! – сказала Катя, в голос которой вернулся металл. – Но ты зря надеешься, что так просто от меня отделаешься. Не на ту попал. Я тебе еще попорчу столько крови, что все твои нынешние неприятности покажутся тебе экскурсией в детский сад. Понял? Попомнишь еще меня, сволочь! А эта... твоя... пусть аккуратнее по улицам ходит. Я-то всегда подозревала, что между вами что-то есть, но люди уверяли,

что она у тебя вместо мебели. Что ж, получается, иногда и мебель сношают. В общем, живите теперь и бойтесь, оба!

Она запахнула пальто. Очень стильное длинное леопардовое пальто, не очень уместное ранним ноябрьским утром, оно очень ей шло, удлинняя и без того бесконечные ноги. Красивая была эта Катя, хоть и пошлая, но красивая.

– Пошла вон отсюда, – коротко бросил Молчанский. – Я тебе все сказал. Ключи от квартиры в почтовом ящике оставляю. И никогда больше не смей появляться рядом со мной. И не пугай ты ежа голым задом, ради бога. Поверь, что я – человек пуганный.

Именно в этот момент полотенце, обвивавшее бедра Молчанского, развязалось, упало на пол и явило миру тот самый голый зад, которым не надо было пугать ежа. Вера ойкнула и закрыла лицо руками, а Катерина гомерически захохотала.

– А она у тебя еще и скромница. Молчанский, а она вообще знает, как ты любишь? Ты же у нас мальчик с претензиями на острое, горячее и сладкое.

– Я сказал, вон пошла! – Не озаботившись, чтобы поднять полотенце, Молчанский, как был голый, подошел к Кате, крепко взял повыше локтя, решительно проводил до двери, запахнул ее и легонько подтолкнул девушку на крыльцо. – Вали давай.

Захлопнулась с оглушительным стуком дверь, повернулся ключ в замке, который обычно шеф предпочитал не закрывать, и Вера услышала его сердитый голос:

– Извини.

Зашаркали куда-то ноги в домашних тапках, заскрипели ступеньки лестницы, и стало тихо. Лишь сверху, из спальни, раздавались шаги. Вера рискнула открыть глаза, крепко потерла лицо руками, глубоко вздохнула и вернулась к приготовлению яичницы. В конце концов, шефа нужно было сначала накормить и вернуть к жизни, а уже потом испепелять взглядом. Да и не был он ни в чем перед ней виноват, по большому-то счету.

* * *

Спустя еще десять минут стало ясно, что заставить начальника поесть Вера не сможет. Он с видимым отвращением затолкал в себя два куска пышного омлета, который она сделала вместо яичницы, рассудив, что он легче «пройдет», скривился, побледнел и отшвырнул вилку. Вид у него был мученический.

– Пить – здоровью вредить, – назидательно повторила Вера, которой было начальника вовсе не жалко. Но тарелку убрала, поставив перед ним еще одну кружку очень крепкого и очень сладкого чая, в котором плавало ярко-желтое солнышко лимона.

– Отпивайтесь чаем, что ли. И поедем. Какой у нас будет план?

Молчанский посмотрел на часы, которые показывали половину восьмого.

– Сначала к вчерашнему лекарю. Пусть прокапает меня еще раз, чтобы у меня были шансы дожить до вечера, а то чувствую я себя так, что всерьез в этом сомневаюсь.

Выглядел он действительно отвратительно. Кожа желтая, как будто Павел переболел желтухой, глаза ввалившиеся, под ними синева, на щеках – мелкие порезы, сразу видно, что, когда шеф брился, у него сильно дрожали руки. Они и сейчас тряслись, но все-таки не так сильно, чтобы проливался чай из кружки. И на том спасибо.

– Хорошо, я сейчас оденусь и позвоню, – кивнула Вера. – Потом?

– Потом к Костику, в больницу. Нужно понять, что это за чертовщина с наркотиками. Затем я к ребятам подъеду, в полицию. Нужно понять, кому понадобилась моя машина. Затем на работу. Ты, пока меня не будет, выясни у Ирины Геннадьевны, что именно нужно налоговой, собери все документы и вообще пошурши там по-тихому, гостей надо встречать во всеоружии. Тем более таких дорогих, как налоговая. – Он нехорошо усмехнулся. – И где я так нагрешил, что на меня все напасти разом свалились? Не знаешь? Как Касьян посмотрел, честное слово.

– Тьфу-тьфу. – Суеверная Вера поплевала через левое плечо. – Не будите лихо. В ваших неприятностях вы, извините, сами виноваты. Потому что они у вас из-за баб.

– Я так-то перед тобой извинился. В смысле, за Катку. А воспитывать меня уже поздно, сама понимаешь. Вот только не верю я в такие совпадения. И Светке кто-то фотографии отправил, и налоговая пришла, и Костик с катушек слетел, и машина сгорела, и Катка сегодня с утра сюда явилась. Да еще и с Глашкой сплошные непонятки.

Глашка, Аглая, была старшей дочерью Молчанских. Лицом она была точной копией отца: довольно миловидная, с пухлыми губами и курносый носиком, вот только глаза не серые, а карие, темные, такие глубокие, что не видно зрачка, да и фигура похожая – невысокая, крепенькая, не тонкая в кости, но ладная. Еще пару лет назад девчушка немало переживала из-за своей «немодельной» внешности, но недавно ей исполнилось восемнадцать, и, как говорил Молчанский, по этому поводу она успокоилась, «переросла» и даже завела кавалера. С ним, что ли, неприятности?

– Да нет, с ним вроде все нормально, – пожал плечами Молчанский, когда Вера задала свой вопрос вслух. – Со мной она не разговаривает. Огрызается, шипит, как кобра, только что капюшон не раздувает.

– Из-за вашего конфликта со Светланой?

– Да нет, это еще за пару дней до того началось. У нее и Светка не в чести. Съехала в отдельную квартиру, знаешь, ту, что я ей на восемнадцатилетие подарил. И носу не кажет ни ко мне, ни к матери.

– Так, может, вы ее ругали за что-то, запретили куда-то идти или ехать?

– Да в том-то и дело, что не было ничего. Ну со Светкой она, бывало, цапалась, у той, сама знаешь, характер не сахар, но мы-то с ней всегда жили душа в душу. Ладно, давай собираться, время идет. Ты вот еще что, машину мне какую-нибудь организуй. Не могу же я тебя вместо такси использовать. У тебя и своих задач полно.

– Организую, но только не сегодня, – решительно сказала Вера. – Вы еще пока не в том состоянии, чтобы садиться за руль. Поэтому я отвезу вас к врачу и позвоню Игорю. А завтра, если захотите, одну из служебных машин возьмете.

– Завтра я себе новую машину куплю. – Молчанский невесело усмехнулся. – Главное – чтобы оно было, это завтра.

До города доехали без приключений, хотя Вера отчего-то нервничала и то и дело посматривала в зеркало заднего вида. Молчанский ни о чем не спрашивал. Сидел на пассажирском сиденье, притулившись головой к дверце, и то и дело закрывал глаза.

– Если бы ты вчера не приехала, я бы, наверное, сдох, – сказал он вдруг, – хотя, может, это было бы и к лучшему.

Спорить Вера не стала, понимая, что сегодня Молчанский просто не может иметь оптимистичного взгляда на жизнь. Голова у него, похоже, прошла, по крайней мере, взгляд стал более осмысленным и менее страдальческим, он не тер все время виски, словно пытаясь выпарапать оттуда живущую там боль, и дышал не через стиснутые зубы. Уже хорошо.

Она высадила шефа у клиники, в которой работал вчерашний нарколог, позвонила на фирму, чтобы обеспечить начальника транспортом, дала короткие, но четкие указания, будучи в полной уверенности, что начальник «транспортного цеха» не посмеет ослушаться, позвонила в больницу, уточнила, в какой палате находится Костик и как его найти, сбросила эту информацию Молчанскому в смс и поехала домой, чтобы переодеться и повидать сына, который учился во вторую смену, а потому в это утреннее время был еще дома.

Дальнейший день шел по относительно привычному расписанию. Когда она появилась в офисе, навстречу ей выскочил растрепанный и почему-то красный Гололобов.

– Ну что, ты привезла Пашу? – накинулся он на Веру, даже не поздоровавшись. – Из налоговой звонили, что придут завтра. Я не знаю, что делать.

– Павел приедет, но позже, – уклончиво сказала Вера. – Информацию я ему передала, он ее воспринял, но особого волнения не проявил. Сказал, разберется.

– Ну конечно, он разберется! – Гололобов отчего-то начал рвать волосы на голове. Это выглядело жутко и нелепо одновременно. – Нет, я положительно с ума сойду в этом дурдоме! Ни на кого нельзя положиться!

Вера пожала плечами и пошла в бухгалтерию, где за столом, обложенном папками, восседала Ирина Геннадьевна. Сдвинув очки на кончик носа, она внимательно посмотрела на Веру.

– Ну что, нашелся начальник?

– Нашелся, – кивнула Вера.

– И что, правда пил?

– Правда, но я не буду это обсуждать, – спокойно, но твердо ответила Вера. – Если захотите, спросите у него, когда он приедет.

– А когда он приедет?

– Сказал, после обеда. Может, чуть позже. У него сын в больнице и дома неприятности. Так что приедет, как разберется.

– Наркотики – страшное зло, – покачала головой Ирина Геннадьевна, заметила Верин внимательный взгляд, осеклась. – Верочка, ты не подумай чего плохого. У меня племянница в детской больнице работает, вечером рассказала, что к ним мальчик поступил, Костя Молчанский, ну я и поняла.

– Я надеюсь, с другими членами коллектива вы не поделились своим пониманием? – холодно осведомилась Вера.

Больше всего на свете она ненавидела сплетни и досужие разговоры. Беда, попадая на чужие равнодушные языки, мельчала, стиралась, как затертая множеством рук монета, становилась отчего-то постыдной, превращалась в обнаженную гулящую девку, выставленную на жадное осуждение любопытной толпы.

– Ну что ты, Верочка! – Бухгалтерша смотрела заискивающе. – Конечно, нет! Что же я, не человек?

– В том-то и дело, что у нас теперь не поймешь, кто кому человек, а кто гиена, – вздохнула Вера. – Мне вот все покоя не дает, кто мог по нашей внутренней базе сообщения разослать. А главное – зачем? Ладно, Ирина Геннадьевна, давайте ближе к делу. Вы почему мне вчера не сказали, что к нам налоговая собралась? Я об этом от Гололобова узнала, а вы мне ни словечком не обмолвились.

Бухгалтерша удивилась так сильно, что у нее даже очки съехали на самый кончик носа. Всколыхнулась пышная грудь, зашелестела из-под стола тафтовая юбка.

– Верочка, так не боимся мы никаких проверок, тебе ли не знать? – задушевно сказала она. – У нас же все чисто и легально! Ну придет проверка, ну просидят они тут неделю. Поносят мои девочки им папки. И все. Попрощаемся до следующего раза. Мне и в голову не пришло тебе говорить, не заслуживает это внимания!

– А Гололобов чего так нервничает? Аж волосы на себе рвет?

Бухгалтерша удивилась еще сильнее.

– Вот уж не знаю. Но он в последние дни вообще какой-то нервный. Вчера с обеда как ушел, так долго не было, а потом приехал, глаза дикие, руки трясутся, я аж испугалась, что и этот в запой ушел. Думаю, увольняться пора, пропадет контора с таким руководством. Я ведь знаю, жизнь прожила. Как кто на дно стакана смотреть начинает, так все. Пиши пропало.

– Ирина Геннадьевна. – В голосе Веры снова появился тот знакомый сотрудникам металл, которого все в «М-софте» боялись. – Не надо хоронить фирму и записывать ее руководителей в алкоголики, хорошо? Вы точно уверены, что с проверкой неприятностей не будет?

– Так откуда им взяться-то, Верочка? – Бухгалтерша молитвенно сложила руки. – У нас же все совершенно прозрачно.

– Ну, значит, проблемой меньше, – сказала Вера, даже не подозревая, как сильно она в этот момент ошибается.

До конца дня она разбирала документы и разруливала локальные проблемы, то и дело вспыхивающие в разных концах офиса. На экскурсию в IT-центр для школьников пришли сразу два класса, и мест в малом зале не хватило. Вера быстренько разместила детей в большом конференц-зале, для чего оттуда пришлось разогнать сотрудников, усевшихся онлайн на большом экране следить за ходом крупной международной конференции. Еще нужно было быстро организовать в два раза больше чашек, сладкого морса и пирожных. Параллельно проверить, отправлены ли заявки на крупный конкурс по закупке компьютерных программ и антивирусов для правительства региона, потом оплатить курсы английского языка для Аглаи Молчанской и отменить на ближайшие две недели тренировки по плаванию для Костики.

В обед позвонила лучшая подруга, Юлька Асмолова. Она ждала ребенка, и счастье ее журчало в трубке, переливалось через край, освещало унылую хмарь за окном. Вера тихонько улыбнулась. Еще летом подруга была на грани развода, и Вера тогда даже одолжила ей денег на покупку деревенского дома, чтобы было куда сбежать от навалившейся тоски. Но все неприятности остались позади, и дом этот оказался счастливым, потому что именно там было дано начало новой жизни, и это тогда, когда подруга уже смирилась было с тем, что у нее не может быть детей. И муж ее, Олег Асмолов, оказался вовсе не мерзавцем, а тем хорошим парнем и верным мужем, которым Вера привыкла его считать за годы знакомства.

В общем, все у подруги было хорошо, и она звонила, чтобы позвать Веру на обед, поболтать о своем, о девичьем. Есть хотелось, и поболтать хотелось тоже, а еще больше – рассказать Вере о странностях, которые творились в офисе «М-софта» и вокруг его директора. И с Олегом хотелось поговорить тоже. О сгоревшей машине шефа, о наркотиках, на которые почему-то подсел спортсмен Костик... Вере все казалось, что это все неспроста, вот только она не могла решить, с чем связывать свалившиеся на Молчанского неприятности. Ну не с конкурентами же, нет у него конкурентов и быть не может!

Но на обед было бежать совсем некогда, поэтому пусть и с сожалением, но Вера от предложения отказалась, пообещав в самое ближайшее время забежать к Асмоловым вечером, обязательно вечером, чтобы Олег был дома.

– Вер, у тебя что-то случилось? – спросила Юлька, и голос у нее стал встревоженный. Все-таки она была очень проницательная, ее подруга.

– Что у меня может случиться, Юльчик? Я же вся сугубо положительная, рациональная и занудная, – заставила себя засмеяться в ответ Вера. – Вокруг, правда, много непонятного, но это касается не меня, а шефа. Так что просто хочу посоветоваться.

– Ну если шефа, то и ладно, не к спеху, – легкомысленно заключила Юлька, у которой из голоса сразу пропали даже легкие оттенки тревоги.

До Вериного шефа ей не было никакого дела, поскольку важным в Вериной жизни человеком он не был. То есть был, конечно, но не в том смысле, чтобы о нем волноваться. Юлька лучше, чем кто бы то ни было другой, знала, что к шефу Вера дышит совершенно ровно. Ну начальник, ну дельный, ну деньги платит. Не больше. Не будет этого начальника, появится другой. Вот если бы подруга была в него влюблена, тогда другое дело. Но Вера влюблена не была.

Офис «М-софта», выстроенный Молчанским в первую очередь для того, чтобы людям было комфортно работать, имел свою столовую. Поваров тут, конечно, не держали, просто в большом помещении стояли столы и удобные стулья, микроволновки, в которых можно было разогреть еду, чайники и кофеварки, шкафы с посудой и холодильники. К обеду всегда приезжала фирма доставки, сгружающая в холодильники судки с готовой едой. Салаты, супы, второе, нескольких видов, и всегда очень вкусное. Так как есть все-таки хотелось, Вера забежала в «столовую» и наскоро пообедала.

– Чего, Вер, шеф на работу глаза не кажет, боится осуждения коллектива? – подсел к ней за стол старший сисадмин Толик, хороший добрый парень с веселыми глазами. – Так мы ведь того, не осуждаем, мы гордимся даже. Старый уже, а все туда же. И телка красивая.

– Толик, ты же знаешь, я на такие темы не разговариваю. – Вера, вздохнув, доела куриную котлетку, выбросила одноразовую тарелку и вилку в ведро и встала, решив, что чай попьет в кабинете. Ей еще нужно было проверить сметы большого музыкального детского конкурса, который спонсировал «М-софт». – Шеф появится, вырази ему свое восхищение лично, договорились?

До конца рабочего дня она еще успела провести переговоры с зарубежным партнером, с которым Молчанский намеревался заключить крупный контракт, обзвонить все филиалы и собрать отчетность за прошлый месяц, а также промониторить Интернет, чтобы собрать все, что писали о фирме за то время, что она была в отпуске.

Последнее, впрочем, казалось ей пустой формальностью. Как правило, СМИ охотно брали пресс-релизы «М-софта», потому что они были интересными и живыми, и делали это бесплатно. Из уважения к Молчанскому и любви к ней, Вере. За это фирма два раза в год – зимой и летом – проводила выездные увеселительные мероприятия для городских СМИ, совмещая спортивные состязания на свежем воздухе с выступлениями полезных спикеров из центральных СМИ, которым за счет «М-софта» оплачивались дорога и гонорары. В общем, с журналистами фирма дружила, и подвоха от них Вера не ждала.

На сайтах действительно было тихо, а вот в одном из самых крупных пабликов в социальных сетях, который читал весь город и который заслуженно считался самой большой помойкой из всех существующих, Вера с изумлением обнаружила пост, рассказывающий об измене Молчанского и о том, что информацию об этом его жена получила одновременно со всеми остальными сотрудниками фирмы.

«Уважаемый бизнесмен и меценат оказался таким же козлом и бабником, как и все мужики, – сообщал автор поста, предпочитающий остаться анонимным. – И главное, что скандальные фотографии теперь рассматривают во всех курилках «М-софта», перебивая кости начальству. Так что «М – софт» ничем не лучше любой другой конторы, где процветают аморалка и сплетни». Под постом, как водится, уже развернулась обширная ветка комментариев, главный тезис которых сводился к тому, какой же Павел Молчанский придурок и моральный урод.

«Любишь кататься, люби и саночки возить, – мрачно подумала Вера, закрывая сайт. Больше всего на свете ей хотелось вымыть руки. – Нет ничего тайного, что не стало бы явным, и, если изменяешь жене, будь готов, что это вылезет наружу».

Впрочем, расстроилась она несильно. Ее шеф имел твердую репутацию носорога с прочной шкурой, которому всегда было абсолютно наплевать на мнение окружающих. В политику он не собирался, так что отсутствие имиджа верного мужа ничем ему не грозило. Ну есть у него любовница, ну вынес кто-то сор из избы – подумаешь. Переживет.

Все дела, которые нужно было обязательно завершить именно сегодня, до ухода домой, закончились только без десяти семь вечера. Что ж, бывало и хуже. Шеф в офисе так и не появился, впрочем, Вера по этому поводу не переживала. Около четырех часов он звонил, что находится в больнице у Костика и в офис обязательно заедет, но ближе к вечеру.

– Ты меня не жди, – то ли разрешил, то ли приказал он.

Немного подумав, Вера решила, что ждать действительно не будет. С Павлом Молчанским она провозилась весь вчерашний день и всю ночь, а потому имела полное право уделить внимание родителям и сыну, которые ждали ее дома. По дороге она позвонила домой узнать, что купить.

– Папа выходил в магазин, – с гордостью доложила мама, и Вера обрадовалась, потому что в последнее время отец плохо себя чувствовал, болело сердце, и даже самые простые домашние дела давались ему с трудом. – Так что все есть. Приезжай давай, мы тебя ждем.

Немного подумав, Вера все-таки заехала в модную кофейню и купила маленькие пирожные профитролы, которые обожал сын. Обожал и страшно стеснялся этого. Припарковав машину во дворе, она еще ответила на срочный звонок. Звонили из Питерского филиала, и вопрос действительно не терпел отлагательств. Подняться в квартиру, снять одежду, в которой ходила со вчерашнего дня, принять душ, смыть с лица косметику, натянуть мягкий спортивный костюм, с которого начинался вечерний отдых... Совершив все эти обязательные действия, Вера прошлепала на кухню и уселась за стол, за которым ее ждала вся семья.

Родители и сын уже поужинали, но вечернее чаепитие было обязательным ритуалом, который отменяли, лишь когда Вера была в отъезде. Вот и сейчас самые дорогие в ее жизни люди терпеливо ждали, пока она съест свой ужин – кусок зажаренной до золотистой корочки курицы и маленькие помидоры, порезанные на половинки, пересыпанные семечками и заливные душистым подсолнечным маслом. Сын рассказывал про школу, мама доставала и выкладывала на блюдо пирожные, отец мыл посуду. Благодать!

Вера ела и мечтала о горячем чае с душистыми травами, какой умела заваривать только мама, а еще о том, как она уложит сына спать, поцелует в вихрастую макушку, которая все еще пахнет парным молоком, хотя с каждым годом все меньше и меньше, а потом вытянется на кровати и блаженно закроет глаза. Прошлая ночь, бессонная и тревожная, наваливалась на нее, заставляя держать глаза открытыми из самых последних сил.

Телефон зазвонил так внезапно, что Вера уронила вилку. Опасливо покосилась на экран – вдруг это ее незадачливый любовник решил выяснять отношения? Обычно он не звонил вечерами, которые проводил с семьей, но, работая в больнице, дежурил по ночам и тогда мог и выйти на связь. Раньше Вера таким внезапным звонкам радовалась, а сейчас почувствовала раздражение. Ну не хочет она разговаривать.

На экране телефона, впрочем, светилось не имя любовника, а совсем другое имя. «Молчанский» было написано там, и, подавив вздох, Вера нажала на кнопку. Ну конечно, приехал на работу в девять вечера и теперь ничего не может без нее найти.

– Да, Павел Александрович, – сказала она, призывая на помощь все свое терпение. Иногда начальник бесил ее своей настырностью и неумением организовывать жизненное пространство без нее, Веры. – Я слушаю, говорите.

Начальник в трубке молчал. Вера слышала лишь его тяжелое прерывистое дыхание, как будто он только что бежал или тащил что-то тяжелое. Вера против воли снова встревожилась.

– Алло, говорите! – Она даже подула в трубку, словно это могло что-то изменить. – Павел Александрович, что-то случилось?

– Ты где? – спросил он через стиснутые зубы. – Слышишь, срочно приходи в мой кабинет.

– Зачем?

– Я не знаю, что мне делать. – Услышав это, Вера чуть не упала со стула, потому что никогда-никогда-никогда на ее памяти Павел Молчанский не произносил такой фразы. Он всегда знал, что делать, и это знание приводило к процветанию «М-софта» и росту благосостояния его основателя. – Я действительно не знаю, Вера. Я приехал в офис и в своем кабинете обнаружил Катю. Она мертва, Вера. И кажется, ее убили.

* * *

Офис «М – софта» темнел окнами. Нигде не горел свет, и это почему-то напугало Веру гораздо больше, чем звонок шефа. Если он в офисе, то почему не зажег свет, а если его там нет, то зачем звонил? Что ждет ее, Веру, внутри?

Она немного потопталась перед входом, но все-таки рванула на себя дверь, оказавшуюся, естественно, незапертой. Павел Молчанский никогда не запирает те помещения, внутри которых находился. Вера включила свет в холле, и он тут же разогнал живущих в темноте чудищ, высветив изящный ресепшен, мягкие серые диваны для посетителей, фикус в углу.

Этот фикус почему-то показался таким родным и близким, что Вера чуть не заплакала. Где-то наверху ее ждал Молчанский, но она все равно быстро пробежалась по кабинетам первого этажа: водительской, программистской, комнате, которую занимали снабженцы, – везде заперто. Она подергала за ручку презентационного холла, но и он был надежно закрыт. Вечер, рабочий день уже закончился, оно и понятно.

Поднявшись на второй этаж, Вера постучалась в бухгалтерию. Тихо. Кабинет Гололобова закрыт, отдел маркетинга тоже. Черным провалом зияла лишь дверь в приемную, ту самую, которую она делила с секретаршей Мариной, и где за тонкой перегородкой царствовал Молчанский. Вера шагнула в этот провал, нащупывая кнопку выключателя на стене.

– Это ты? – услышала она тихий, полный внутренней боли голос, в котором не сразу узнала шефа.

– Да, я. Можно свет включить?

– Да, конечно, я просто выключил, потому что был не в силах это видеть. Мне казалось, что я сойду с ума. Где ты была?

Что-то в голосе начальника давало повод думать, что он уже перешел ту тонкую грань, которая отделяет нас от безумия. Щелкнул выключатель, вспыхнули лампочки под дизайнерским потолком, которым Вера очень гордилась. Весь ремонт в новом, выстроенном с нуля офисе был делом ее рук. Не в прямом смысле, конечно, тут работала первоклассная бригада, но нашла ее именно Вера и ход работ контролировала от и до, добиваясь идеального исполнения проекта, в который Молчанский вбухал огромные деньги.

Ему самому было совершенно безразлично, в каком интерьере работать, но для комфорта сотрудников, которых он тщательно подбирал не только по всему городу, но и, пожалуй, по всей стране, как бесценные бусины со дна океана, он не жалел ничего. И Вере жалеть запретил.

Шеф сидел на полу у окна, чуть ли не спрятавшись за то кресло, в котором работала Вера. В его измученном лице оставалось мало человеческого, и Вера вдруг действительно испугалась за его разум. Может, нет никакого трупа? Может, мертвая Катя ему просто привиделась?

– Она в моем кабинете. – Молчанский ответил на невысказанный ею вопрос, и Вера даже не удивилась, потому что так бывало и раньше. Они часто функционировали как единый организм. И их работа во многом была успешной именно благодаря слаженности и полной синхронизации. – Я приехал, поднялся на второй этаж, прошел в приемную, затем к себе, включил свет и увидел ее. Я сначала не понял, что она мертва. Я просто очень разозлился, что она, несмотря на мой запрет, посмела явиться сюда, да еще набралась наглости разлечься посередине ковра и уснуть. Я пытался ее разбудить. Понимаешь, я разговаривал с ней, потом тряс ее за плечи, потом ударил по щеке. Но она не просыпалась, и голова у нее болталась, как у куклы. В общем, в какой-то момент я осознал, что ее убили. Осознал и позвонил тебе.

– Конечно, что еще делать в такой ситуации. – Вера пожала плечами. – Меня уже даже не удивляет, что при возникновении любой проблемы вы вспоминаете именно мой номер.

– Ты сердись, что я тебя втянул в грязную историю? – Пожалуй, в голосе шефа появились человеческие нотки, и Вера голову бы дала на отсечение, что знает, как они называются. Любопытство. Павлу Молчанскому была любопытна ее реакция на то, что он вытащил ее на место преступления.

– Нет, – пожала плечами она. – Павел Александрович, мне нужно посмотреть самой.

Она зашла за перегородку, разделяющую их рабочие места, снова щелкнула выключателем. Яркий свет залил кабинет, большой, с окном во всю стену, удобный, очень элегантный кабинет с огромным столом, заваленным бумагами. Гигантский, очень мощный компьютер,

сейчас выключенный, был на месте, и вся остальная техника и мебель тоже. Кабинет выглядел совершенно как обычно, если бы посередине него, на пушистом бежевом ковре, который Молчанский по какой-то своей очередной прихоти припер в прошлом году из Турции, не лежала Катя, любовница Павла Молчанского, еще сегодня утром выгнанная им прочь, а сейчас совершенно мертвая. Почему-то это Вере стало ясно с первого взгляда, хотя никогда раньше ей не приходилось видеть покойников. Наверное, из-за жуткой багрово-красной полосы, которая тянулась вокруг тоненькой изящной шеи девушки.

На всякий случай Вера подошла, присела на корточки, взяла руку, уже холодную, или ей так показалось, попыталась нащупать пульс. Пульса, разумеется, не было, как и жизни в белом, каком-то опрокинутом лице. Рядом кто-то запыхтел, засопел в ухо. Молчанский.

– Ну что? – зачем-то спросил он. – Что делать-то будем?

– А какие варианты? – чуть резче, чем ей бы хотелось, спросила Вера.

– Полицию вызывать. – Голос шефа звучал обреченно.

– И на том спасибо. А то я уж подумала, что вы предложите сейчас завернуть тело в ковер и вывезти в лес.

– А ты бы согласилась? – В его голосе опять мелькнуло любопытство, немного неуместное, но показывающее, что даже после всех неприятностей Павел Молчанский все-таки остается собой. Пусть даже и будучи не в себе.

– Нет, не согласилась бы. Носить вам передачи и организовывать самую лучшую камеру во всем следственном изоляторе меня устраивает больше, чем сидеть в камере соседней. Павел Александрович, неужели за столько лет нашей совместной работы вы еще не поняли, что я до противного законопослушна?

– Так и я тоже. – Он вздохнул. – Вер, я не знаю, что ты там уже себе напридумывала, но я ее не убивал. Я понятия не имею, как она здесь очутилась и что произошло. Так что полиции я не боюсь. Я просто хотел знать, где ты. Я тебе только поэтому позвонил.

– Угу. – Вера коротко кивнула, не очень понимая, какая ему разница, где она была. – Вот что, Павел Александрович, вызывайте полицию. Я сейчас позвоню вашему адвокату, а потом проконсультируюсь с мужем своей подруги. Он полицейский, знает, что делать в таких случаях.

Адвокат Аркадий Ветлицкий был одним из самых дорогих в городе. Поговаривали, что он числится «адвокатом мафии», по крайней мере, все громкие дела, связанные с бандитскими разборками, вел всегда именно он. Но также поговаривали, что своих денег он стоил. Павел Молчанский, до этого мало нуждавшийся в услугах адвоката, знал его со студенческих лет, а потому держал «под рукой» на всякий случай. Номер Ветлицкого по этой самой причине был у Веры в телефоне, поэтому позвонить ему труда не стоило. На то, чтобы понять, что случилось, адвокату понадобилось минуты две, а на третьей он уже коротко сообщил, что выезжает. Такой деловой подход Вере был по душе.

Затем она позвонила Юльке, мечтая лишь о том, чтобы муж подруги оказался дома. Ей не повезло, потому что Олег Асмолов сегодня дежурил, хотя Вера быстро поняла, что это невезение на самом деле оборачивается огромной удачей. Распрощавшись с подругой и заверив ее, что у нее все в порядке, Вера быстро набрала номер самого Олега, который, выслушав ее, вздохнул и сказал, что сейчас приедет.

– А как ты с дежурства отпросишься? – удивилась Вера.

– Балда. – Голос Олега звучал сердито, хотя Вера знала, что он не сердится, а просто за нее переживает. – Я приеду именно потому, что я на дежурстве. Твой шеф уже позвонил в полицию, и меня отправляют на этот вызов. Так что жди, подруга дней моих суровых. Кстати, ты уверена, что это не он ее уколошил?

– Я не знаю, – честно призналась Вера, старавшаяся всегда говорить правду. – На него не похоже. Но за последнее время я его вообще не узнаю, Олег.

– Ладно, разберемся. Не переживай.

Последующие два часа казались Вере воплощением плохого детектива. Иногда, в выходные, которые выдавались у нее нечасто, она любила поваляться на кровати, пялясь в экран телевизора, на котором хорошие парни ловили плохих, выводили на чистую воду преступников и спасали какую-нибудь прекрасную деву, по собственной глупости вляпавшуюся в неприятности. Качественные детективы попадались редко, в основном приходилось довольствоваться скучными и примитивными. Вот и сейчас Вере казалось, что она находится внутри именно плохого детектива, все герои которого говорят ненатуральными голосами и ведут себя неестественно.

В данном случае ей казались фальшивыми и Молчанский, и Олег Асмолов, и старенький седенький медэксперт, кружащий и кружащий над мертвым телом Кати. Все его действия отчего-то выглядели как надругательство, и Вере хотелось оттолкнуть его, закричать, чтобы он убрал руки, и она чуть ли не физически зажимала себе рот ладонями, в глубине души кляня себя за истеричность и чрезмерную чувствительность.

– Итак, вам знакома эта женщина? – спросил Олег у Молчанского, приступая к опросу.

– Да, это Горелова Екатерина Васильевна, 1990 года рождения, – спокойно ответил тот.

– В каких вы с ней отношениях?

– Она моя любовница. Правда, уже бывшая.

– Вот как? И как давно вы расстались?

– Сегодня утром.

– И при каких обстоятельствах?

– Несколько дней тому назад, точнее, в прошлую среду, кто-то прислал фотографии фривольного содержания, на которых были изображены мы с Екатериной, на электронную почту моей жены. Жена от меня ушла, а я, посмотрев на фотографии со стороны, вдруг понял, что вся эта пошлость меня больше не прельщает. Мне стало скучно, если вы понимаете, о чем я.

Олег Асмолов кивнул, что понимает, и Вера снова вспомнила, как полгода назад ее глупая подруга решила, что этот немногословный, очень надежный мужик ее разлюбил, изменил ей и предал, и чуть было не ушла от него, но, к счастью для них обоих, все выяснилось, и теперь в их семье должен родиться ребенок. (*Подробнее в детективе Л. Мартовой «Когда исчезнет эхо».* – Прим. ред.) Никак не мог Олег понимать то, что говорил сейчас Молчанский, слишком разными они были, и Вера усмехнулась, чуть печально, потому что несовершенство начальника ее расстраивало.

– Я уехал на дачу, провел там несколько дней, и сегодня утром Катерина приехала туда. Она откуда-то узнала, что я теперь один, и собралась вступать в права законной супруги, а я развеял ее надежды, чем, признаюсь, довольно сильно вывел из себя.

– То есть вы хотите сказать, что вы поссорились?

– Мы не ссорились. Я сказал, что она может пока остаться в той квартире, которую я для нее снимал, и что я оставляю ей машину. Она в ответ сказала, что я об этом пожалею. Я вывел ее из дома и закрыл дверь. Все.

– Вы договорились встретиться позже?

– Нет, я не собирался больше встречаться с Екатериной Васильевной. – Молчанский пожал плечами, и Вера снова усмехнулась, понимая, что да, действительно не собирался.

– Тогда как она оказалась в офисе вашей фирмы?

– Понятия не имею.

– Так. – Асмолов растер руками затылок. – Давайте теперь по порядку. Во сколько вы сегодня покинули работу и зачем вернулись?

– Я не был сегодня на работе. – Молчанский отвечал терпеливо, словно выполнял нудную, но необходимую работу. Впрочем, в какой-то степени так оно и было. – Утром я вернулся с дачи в город...

– После того как выпроводили гражданку Горелову? Вы приехали на своей машине?

– Я не мог приехать на своей машине, потому что мою машину вчера взорвали, – сообщил Молчанский, и у Олега натурально глаза полезли на лоб, Вера видела. – Меня привезла Вера, мой помощник, Ярышева Вера Андреевна.

– То есть ты, Вера Андреевна, была с ним на даче, что ли? – аккуратно осведомился Олег. Вера кивнула:

– Да, я там ночевала. Я приехала вчера, потому что сын Павла Александровича попал в больницу. Мне нужно было об этом сообщить, но телефон не отвечал, и я поехала на дачу. Взрыв машины произошел практически на моих глазах. Павел Александрович, м-м-м, очень плохо себя чувствовал, я вызвала ему врача и осталась ночевать. А утром привезла его в город и поехала на работу.

– А куда девался Павел Александрович? Если он на работу не поехал?

– Вера отвезла меня к врачу, тому самому, что приезжал вчера. Мне поставили капельницу, и какое-то время я провел в клинике. Затем меня забрал мой водитель, Игорь, отвез домой, в городскую квартиру, я переоделся, забрал кое-какие бумаги и поехал в больницу к сыну. У него я провел почти полдня. Он не хотел, чтобы я уходил. Я и не уходил.

– Вера, ты была свидетелем конфликта между Гореловой и господином Молчанским?

– Да, все было так, как говорит Павел Александрович. Боюсь, Катерина немного неправильно оценила тот факт, что я оказалась на даче ранним утром, и это вызвало у нее ревность. Она сказала в мой адрес много неприятных слов.

– Я надеюсь, не настолько неприятных, чтобы ты захотела ее убить? – аккуратно спросил Олег. – И да, дорогая подруга моей жены, ты понимаешь, ЧТО именно сейчас говоришь?

– Понимаю. Но врать я не намерена. Я не сделала ничего предосудительного, а потому мне совершенно нечего скрывать.

– Итак, ты отвезла господина Молчанского к врачу, приехала на службу – и что делала дальше?

– Занималась текущими делами. Из офиса не выходила, даже обедала здесь. Домой ушла в начале восьмого.

– Кто-то еще оставался на работе?

– Я не знаю. В приемной уже никого не было. Павел Александрович так и не приехал, секретарь уже ушла. Остальные кабинеты я не проверяла.

– Кто обычно запирает офис?

– Уборщицы. Их две, и они приходят к шести часам. Работают, как правило, до восьми, двери запирают ключами. Сигнализация у нас включается автоматически, через цифровой код на двери. Уборщицы его знают. Одна убирает третий этаж, вторая первый.

– А второй? Вот этот, где расположена приемная?

– Ее убирает третья уборщица, она приходит утром. Мы часто задерживаемся допоздна, особенно Павел Александрович, потому такой график придуман, чтобы никому не мешать.

– А камеры? У вас же есть камеры?

– Да, конечно. Записи с них идут на компьютер начальника службы безопасности. Я как-то не подумала его вызвать, извините.

– Разберемся, – снова повторил Асмолов. – Так, Павел Александрович, вы говорите, что были в больнице до шести часов вечера?

– Да, может быть, до четверти седьмого. Потом я собирался заехать в офис, хотел застать Веру, чтобы узнать, что выяснилось насчет налоговой. Но мне позвонили ребята, ваши коллеги, а мои друзья, которых я попросил разобраться со взрывом своей машины. Они попросили, чтобы я подъехал к ним, поэтому Игорь вместо офиса отвез меня к ним.

– В УВД? Городское или областное?

– В ФСБ, – коротко ответил Молчанский, и Олег снова вздохнул. Вера его понимала: тяжело вести расследование убийства, когда у тебя на хвосте, с одной стороны, Аркадий Вет-

лицкий, не вмешивающийся пока в беседу, но внимательно ее слушающий, а с другой – ребята из «конторы».

– До сколько вы там были?

– Примерно до половины восьмого.

– И что делали потом?

– Я решил не ездить в офис, потому что был уверен, что Вера уже ушла. Она достаточно со мной провозилась предыдущей ночью, и мне не хотелось злоупотреблять ее терпением. Поэтому я решил поехать домой и лечь спать, потому что, признаться, все еще отрицательно себя чувствовал.

– Простите, вы простыли? Чем именно вызвано ваше внезапное недомогание?

– Я не простыл. Я пил несколько дней, – сообщил Молчанский, поймав резкий, как бритва, взгляд своего адвоката. – Как-то не готов оказался к семейным разборкам, знаете ли.

– Итак, вы поехали домой?

– Нет, я вдруг понял, что ужасно голоден. Я не помню, когда вообще в последний раз ел. Утром Вера пыталась меня накормить, но мне в горло ничего не лезло, а тут я почувствовал, что просто умру, если что-нибудь не съем. Дома – пустой холодильник, ехать в магазин, а потом что-то готовить, у меня не было сил, поэтому я попросил водителя отвезти меня в ресторан, а потом его отпустил. Было уже поздно, я решил, что доеду домой на такси.

– Во сколько вы вышли из ресторана?

– В начале десятого. Минут пятнадцать примерно.

– Правильно ли я понимаю, что все это время, с раннего утра до начала десятого вечера, рядом с вами были люди, которые могут подтвердить ваш распорядок дня?

– Да, я не оставался один. Со мной сначала была Вера, потом врач, потом водитель, сын, врачи в его больнице, снова водитель, мои приятели в «конторе», снова водитель, а потом официанты и посетители ресторана. Я был в «Буратте». Это такой новый ресторан на улице Гоголя.

Асмолов кивнул, что знает.

– Павел Александрович, – спросила вдруг Вера. До этого момента она тоже внимательно слушала ответы шефа, радостно отмечая, что он действительно не оставался один вплоть до того самого времени, когда позвонил ей, чтобы сообщить о том, что Катю убили. – А зачем вы все-таки поехали в офис, да еще в полдесятого вечера? Вы же не хотели. Зачем вас туда понесло?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.